

Рената ЛИТВИНОВА

**ОБЛАДАТЬ
И ПРИНАДЛЕЖАТЬ**

НОВЕЛЛЫ И КИНОСЦЕНАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ КИРЫ МУРАТОВОЙ

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

СЕАНС

Библиотека киносценариста

Рената Литвинова

Обладать и принадлежать

«СЕАНС»

Литвинова Р. М.

Обладать и принадлежать / Р. М. Литвинова — «СЕАНС»,
— (Библиотека кинодраматурга)

ISBN 978-5-367-00396-3

В сборник вошли сценарии и новеллы «Офелия, безвинно утонувшая», «Третий путь», «О мужчине», «Две, кому-то нужные», «Обладать и принадлежать», «О счастье и о зле», монологи из фильма «Увлечения» и другие произведения Ренаты Литвиновой.

ISBN 978-5-367-00396-3

© Литвинова Р. М.

© СЕАНС

Содержание

Предисловие	6
Офелия, безвинно утонувшая	8
Монологи медсестры	15
Очень любимая Рита, последняя с ней встреча	18
Третий путь	28
Ждать женщину	32
О мужчине	40
Две, кому-то нужные	47
Обладать и принадлежать	51
Глава: Вступительная	51
Глава: Пока он не вернулся, она сама решила достать ему денег	56
Глава: Приключение первое	60
Глава: Само собой	63
Глава: Жалобы	66
Глава: Выселение из общежития	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Рената Литвинова
Обладать и принадлежать
новеллы и киносценарии

© 2007 Рената Литвинова
© 2007 Кира Муратова
© 2007 Глеб Алейников
© 2007 Алексей Васильев
© 2007 Мастерская «Сеанс»

Предисловие

Кира Муратова

Можно сказать, я Ренату открыла. Прочитала сценарий «Принципиальный и жалостливый взгляд», и мне он понравился. Потом мы познакомились на фестивале «Арсенал» в Риге. Мне сразу показалось, что ее обязательно надо снимать, у нее замечательные и внешность, и манера говорить. Я в тот момент делала «Чувствительного милиционера», никакой роли для Литвиновой там не было, но она запала мне в сознание, лежала у меня в запаснике.

Когда я начала работать над фильмом «Увлеченья», подумала, что надо эту Литвинову вызвать. Может, она сыграет нашу героиню, циркачку, которая ходит на ипподром, хочет номер в цирке сделать. Начали с ней репетировать. Она мне безумно нравилась, но эта роль была не ее, никак у нее не ложился текст, вообще этот образ с ней никак не соединялся.

Но до того не хотелось ее терять, что героиня раздвоилась. Женя Голубенко придумал «медсестру» и ее «увлечение» моргом. Так у циркачки появилась подруга, которая с ней ходит по ипподромам. И ничего поначалу в роли не было, кроме пластики, но потом Рената приехала на подготовительные работы и говорит: «У меня есть всякие тексты, хотите почитать?» Текстов оказалось очень много, не все они вошли в фильм, но те, что вошли, мы назвали «Монологи медсестры в исполнении самой медсестры», так в титрах и указано. Замечательные, с моей (и не только с моей) точки зрения, тексты, которыми она, можно сказать, прославилась.

Она была добрым ангелом картины. Мы ведь закрывались, несколько месяцев стояли, никто не давал денег, продюсеры один за другим банкротились и перепродавали нас друг другу. И тогда Рената нашла Игоря Каленова, он и спас картину. Но дело, конечно, не в этом. Просто Рената – из тех личностей, которые сразу цепляют...

Я ее раньше вообще называла «божественная Рената». В ней есть все, что может очаровать и увлечь. Главное, что в ней есть очень редкое сочетание: острохарактерная актриса со своей странной манерой говорить, думать, двигаться, быть иногда просто безумно смешной – и красавица. Это соединение дает вспышку, искру высекает: характерная и красавица. К тому же она – добрая. Это в ней от внутреннего совершенства. Она не пытается что-либо скрывать о себе, казаться лучше, чем есть. Ей это ни к чему. Литвинова – образец самодостаточности.

Когда о ней говорят как о представителе какого-то поколения и тому подобное – это нонсенс. Она представляет себя – так же, как Марлен Дитрих. Ничего другого она не представляет. Ничего! Никакой тусовки, никакого поколения. Она есть она, и за это я ее и люблю. Потому что она уникальна. Ее внешние и внутренние данные, ее природное естество являют собой нечто особое, чего нельзя приноровить ни к чему. Да, ей ничего не нравится на самом деле. Кроме ее эманации. И она имеет на это право, хотя иногда может выглядеть забавно или странно, или смешно, или как-то дико. Но это ее право – как уникального создания природы.

Я с опаской ждала просмотра ее «Богини»: знаете, неприятно, если не нравится фильм любимого человека, ужасно думать о том, что ты ему скажешь... Но мне «Богиня» очень понравилась. Интересная, своеобразная и свежая картина, она возвращает нас к прайскуству, к шаманству, когда недостатки являются достоинствами. Начинается какой-то сюжет – и бросается, что-то недоговаривается, недоразъясняются вещи, которые в том нуждаются. Сначала я думаю: что не так? Потом чувствую, что это недоговаривание (как будто недоделано что-то) является свойством фильма, похожим на искусство шамана, который иногда что-то внятно тебе внушает, а иногда начинает плясать сам по себе, что-то бормотать, завывать. «Завывать» относится не только к звукам, но и к изображению, и ты впадаешь в некое дикое состояние.

Это и является правилом игры, закономерностью фильма Литвиновой. Такая загадочность, импрессионистичность, туманность, когда все как будто плывет, такое бросание сюжетиков... Сейчас все это, может, и не редкость. Помню, я видела подобные фильмы, и они мне не всегда нравились. Но в центре «Богини» абсолютная органичность Ренаты Литвиновой, которая вот таким – для нее естественнейшим – образом произносит слова, чувствует и играет. То, что называется «органичностью», в Ренате присутствует божественно, от природы, а иначе и быть не может.

Она себе нравится, поэтому и существует спокойно в этом мире. Подобной уверенности многим недостает.

Офелия, безвинно утонувшая новелла к фильму «три истории»

Регистратура в больнице родильного отделения. За стеклом, за столом сидит девушка, главная героиня, как все ее здесь зовут – Офа, и объясняется кокетливо с очередным отцом, ожидающим новорожденного:

– Ну что ты! Нет, нет, нет, я не касаюсь детей, я даже не имею такого образования – вытаскивать их из чрева! Я касаюсь только бумаг, только бумаг! – И она улыбается мужчине. Тот проходит мимо нее в коридор, она встает и второй женщине, стоящей у стеллажей с картошкой, быстро и приветливо говорит:

– Я скоро вернусь. Я на минутку!

Поднимается вверх, надевает марлевую маску на лицо. Входит в одну из палат – там сидит девушка на кровати в расстегнутой рубашке, значит, только что кормила ребенка.

Офа: Где же твой ребеночек, Таня? Унесли? Ну, как тебе? Что ты думаешь, Таня? Что ты решила, Танечка? Не молчи, не молчи, Таня, это все обернется против тебя. Я же знаю. – Она говорит мягко и любезно, но с тайным нажимом. Таня эта не реагирует на ее слова, сидит с отрешенным лицом, ничего не отвечает... – Таня, Таня, Таня!.. – продолжает Офа, – не делай того, что я не советую тебе, я пока тебе друг, не превращай все в обратное, слушайся меня. Одну только меня! Никого не слушай, а только мой голос, Таня!.. – Она хочет взять Таню за руку, но та с ненавистью отнимает руку и отталкивает белую, чистую, красивую Офу. Лицо у Офы страдальчески морщится, она что-то еще готова сказать, но в палату входит другая роженица, и Офа словно пугается и, поспешно отшатнувшись от Тани, быстро выходит из палаты, сдирает на ходу марлевую маску.

На лестнице ее догоняет парень, молодой врач. Они закуривают у окна.

– Офа, милая, красивая Офа! Как вы неожиданно мне встречаетесь, я так влюблен в вас, в ваш голос, в вашу походку, по которой вас можно определить издалека, вы всегда одна, загадочная Офа, куда вас можно пригласить? Куда вы любите ходить? Что я должен предпринять, чтобы вы не отказали мне? Говорите!

Офа засмеялась, не отвечая и затягиваясь сигаретой.

– Я должен знать, что вы любите есть, пить, какое время суток вы предпочитаете, какой сезон в природе, погоду, цвет, запах, какого персонажа и из какого произведения вы видите в своем воображении, когда вы засыпаете или вот когда вы так покуриваете, глядя непонятно?

Офа улыбаясь помолчала и тихо ответила:

– Да, ну вы же знаете, и все знают, что я люблю Офелию, безвинно утонувшую... – отметила она в конце фразы и замолчала, разглядывая доктора. – И нет прекраснее и чище ее!

Доктор засмеялся, ведь все это звучало как шутка: насмешливо, иронично.

– Поэтому вас сократили до Офы, хотя ваше имя иное?... – сказал он.

– А я не против, а я не против, между прочим... – Она затушила сигарету, делая движение уйти. Он схватил ее за руку:

– Не уходите, вы пришли в мое отделение ведь не просто так?

Офа: Не просто так...

Он: А чтобы увидеть меня, так, Офа?

Офа (*невинно*): Почему?..

Он: Вы никогда не касаетесь палат, вы заведуете бумагами...

Офа (*нахмурившись*): Да, я пришла увидеть вас.

Он: Ну?

Офа: Я увидела. Пойду. Руку отпустите, доктор.

Доктор: Милая, любимая Офа, не играйте со мной, я же действительно без ума от вас!

Офа: Идут! Сюда идут! *(Пытается вырвать руку, но он оглядывается: видит, что она его обманула, что никто не идет.)*

Доктор: Вы что, боитесь меня? Никто не будет любить вас так, как я.

Офа: Ах!.. Встретимся в семь после смены.

Он отпускает ее. Улыбается. Она ему тоже улыбается, быстро убегает, снизу с лестничного пролета спрашивает:

– А что мы с вами будем делать?

Стрелки больничных часов показывают без трех минут семь. Офа снимает халат. Доктор уже ждет ее за стеклом. Она берет сумочку, за полкой с картотеками поправляет чулки на резинках, красит губы и выходит к нему, как и каждый раз, поражая и веселя его.

– О, Офа! – говорит он ей.

Они вышли на улицу. Идут по улице, разговаривают.

Офа идет чуть впереди, наклонив голову, послушно отвечает на вопросы.

– Что вы любите пить?

Офа: Ну, чай крепкий. С лимоном. Это утром. И кофе с сигаретой – вечером.

Доктор: А погоду?

Офа: Осень – хорошо. Когда дождь. И чтобы была ночь. Так люблю, доктор.

Доктор: А цвет? Какой вы любите цвет?

Офа: Я люблю белый. Я люблю черный. Я люблю красный. Я люблю сверкающий, из чешуи.

Доктор: А море?

Офа *(задумавшись)*: Да, я люблю воду.

Доктор: А вы хотите замуж?

Офа: А, вы меня проверяете, все думают про меня что-то не то. Нет, я не фригидная, доктор. Я люблю мужчин.

Они подошли к скамейке, доктор бросил на нее свой портфель. Вслед за этим и сели на скамейку.

Доктор: А почему вы ушли из старой больницы, Офа?

Офа: Старая больница – сырая, грязная, стены у нее больные, мне не нравился район, где она стояла. Мне прискучило все там! Все они интересовались моей жизнью. Что я им сделала? Они не давали мне покоя. Нужно менять места – такое мое правило. И эти мужчины!..

Доктор: Вы говорите как эта Таня из моего отделения. Она сегодня уходит домой, мы составляли документы на ребенка, ведь вам уже отнесли дело в регистратуру?

Офа *(скрывая возбуждение)*: Какое дело? Ничего не приносили!

Доктор: Дело в том, что она отказывается от ребенка.

Офа: И она уходит сейчас?

Доктор: Что? А, уходит, уходит... Офа, милая...

Он наклоняется к ней и целует ее – она не сопротивляется. После поцелуя, отстранившись, она спрашивает:

– А что мы будем делать?

Доктор: Поедемте ко мне?

Офа: А вы взяли с собой презервативы?

Доктор в некоторой растерянности и смущении что-то невнятно отвечает:

– Ну... не-е-ет...

Офа встает со скамейки и обращается к нему уже сверху вниз:

– А я без них не буду. Прощайте, доктор, – и она быстро уходит, оставив его одного на скамейке с удивленным, и оскорбленным, и озабоченным лицом.

Едва завернув за поворот, пропав из поля зрения, поля видимости доктора, Офа начинает уже откровенно бежать в сторону своего больничного корпуса.

Вбегает в свою регистратуру. На столе ее сбоку уже появилось новое «дело». Она, не садясь, стоя, склоняется над ним, судорожно листает, ищет конец дела, читает, захлопывает его. Слышит чьи-то шаги, прячется за стеллаж с картотекой. Сквозь полки видит, что прошла одинокая фигура девушки по имени Таня. Офа ждет, когда та пройдет и хлопнет дверью.

Переждав несколько мгновений и услышав, что никто не идет, Офа бесшумно выскальзывает на улицу, идет некоторое время следом за фигурой девушки, не окликая, не догоняя ее, а только выслеживая. Так они проходят несколько кварталов. Довольно пустынно на улицах города в эти часы. Наконец Офа нагоняет девушку. Идет с ней некоторое время молча нога в ногу. Закуривает на ходу. Девушка говорит ей:

– Угостите меня тоже.

Офа молча дает ей прикурить. Девушка меньше ее ростом – Офа царственно вглядывается в нее.

Таня (*затянувшись несколько раз, говорит*): Какая вы добрая, Офа. Только вы одна...

Офа: Я бы не назвала себя доброй... Я бы назвала себя человечной. (*Тут Офа, оглянувшись, нагибается и поправляет сползший чулок с ноги.*)

Таня: Отчего вы носите чулки? Это же неудобно.

Офа: Удобно, но я могу снять, если тебе не нравится. Зайдем в подъезд, а то тут вдруг кто-то пойдет. Я сниму, а ты поддержишь сумку.

Офа оглядывается по сторонам. Девушка покорно качает головой.

Офа: Нет, этот подъезд не годится... (*Они проходят мимо нескольких подъездов и поворачивают.*) Нет, это не то... Нет, вот там дальше будет...

Вдруг навстречу им попадает незнакомый мужчина, он игриво цокает языком и не дает им пройти, но наконец пропускает и идет дальше.

Таня: Кретин, старый урод... Ненавижу мужчин. Эти мужчины!..

Офа: Вот подъезд, сюда!

Она завернула в какую-то глухую подворотню, верно, вообще нежилого дома. Они остановились в подъезде.

Офа: Да, ненавижу мужчин. Ненавижу женщин.

Девушка взяла из рук Офы ее сумочку, отвернулась спиной так, чтобы не стеснять регистраторшу, и, стоя спиной, сложив на животе руки с сумкой и подталкивая ее коленями каждый раз, спросила лирически, глядя из подъезда на улицу:

– А кого же вы тогда любите, Офа?

Офа: Я? (*Снимая чулок с ноги.*) Я люблю детей.

Она занесла над ее головой ленту чулка, перекинула на шею и резко затянула, поднимая вверх, заваливая набок и перекручивая тело девушки намного меньше себя. Когда та уже совсем свалилась на пол, вниз лицом, Офа оседлала ее, поставив коленку той на спину, та продолжала несильно дергаться у нее в руках через концы чулка, которые она продолжала натягивать.

Офа: Больно тебе? Не больно, не больно...

Далее следовала техническая часть – долго-долго не отпускать чулок. Так Офа и сидела с настороженными глазами и ушами в проеме подъезда – вид у нее был со стороны, конечно, престранный: чулка-то издали не было видно, и казалось – сидит девушка на каком-то пригорке с высоко поднятыми руками, как дирижер, и лицо у нее морщилось от физического напряжения.

Но все когда-то завершается. Офа вышла из подъезда, надев перед этим чулок, даже и нигде не пострадавший, не порвавшийся.

Офа побежала по улицам, проверяя телефонные аппараты – многие из них не работали. Один все-таки сработал. Дрожащими пальцами она набрала номер телефона.

– Доктор! Доктор! – заговорила она в трубку. – Это ваша Офа. Я все сделала неправильно: зачем я вас оставила, простите ли вы меня теперь? Я совсем одна тут стою на улице, и мне очень-очень-очень страшно, доктор! Я записываю ваш адрес! – Она его не записывала, но кивала, улыбаясь.

Ночью рядом с его плечом она резко очнулась. Встала, тихо оделась, вышла на улицу, вернулась на место убийства, зашла в подъезд – девушка все продолжала лежать ненайденной. Офа наклонилась над ней, чуть перевалила ее и стала тянуть из ее рук забытую сумочку свою. К ужасу Офы, девушка «не отдавала» ей сумочку. Видно, пальцы сильно сцепились. Офа встала перед ней на колени и по пальцу разжала руку. Забрала сумку. Вышла из подъезда. Уже наступал рассвет.

Она села у доктора на кухне (ведь двери, уходя, она лишь прикрыла, оставив небольшую щель), быстро сняла платье, оставшись в рубашке, закурила. Ее напугал вставший доктор. Она вздрогнула, когда он вошел.

– Ты много куришь, Офа, – строго и нежно сказал он.

– Я так еще неопытна, – пожаловалась она ему.

Он воспринял это по-своему, по-мужски – улыбнулся.

– И еще, – добавила она, – наверно, я сегодня сделалась беременной. И это что, я должна вынашивать твоего зародыша? Но я не хочу вынашивать твоего зародыша в себе, я должна делать карьеру!

– Какую карьеру? – изумился доктор.

– Мне дают место в архиве роддома. Я буду заведовать этими секретными архивами, всеми связями и данными, подложными фамилиями и адресами ускользнувших, расписки отказавшихся женщин будут в моих руках, одновременно я буду обладать их адресами и подлинными фамилиями – такое судьба посылает не каждому!

– Не каждому, – отозвался доктор. – А что же, Офа, ты не любишь меня, как говорила ночью?

– Я не люблю мужчин. Я не люблю женщин. Я не люблю детей. Мне не нравятся люди. Этой планете я бы поставила ноль.

– А кого же ты любишь, Офа?

– Я, наверное, люблю животных, – сказала она, – и не задавай мне этого вопроса, потому что у меня рождаются ассоциации. И не провоцируй, не провоцируй меня на лишнее! У меня отдельный большой план жизни, а ты, мой милый, сбиваешь, сбиваешь меня с толку. И не приближайся ко мне, пока я не уйду.

Настенные часы в больнице показывают семь часов вечера. Офа сидит в архиве за столом, пьет кофе и курит, наблюдая, как собирается ее пожилая напарница.

– Ну, до свидания, Офа, – говорит ей напарница, открыв входную дверь. – Неужели вы не устали, всегда такая веселая, бодрая, услужливая, такая чистоплотная, добрая девушка?

– Я люблю касаться бумаг. – Она взяла со стола одну из карточек, – вот, например, в семидесятом некая Косматова Жанна отказалась от своего первенца-мальчика. Его звали Петей и отдали в семью Тополь через год по адресу: Авиационная, 71.

– Тише-тише! – сказала ей напарница. – Это же секретные данные! Вдруг нас кто-нибудь подслушает?

– Вдруг никогда ничего не бывает, – сказала Офа, – все закрючковано, имеет свои заделы и забросы – есть судьба, и если ты ей не противоречишь, она несет тебя в заданном направлении ко всем тем поступкам, на которые ты запрограммирован и рассчитан изначально. И даже помогает и сохраняет тебя. И пока ты это не исполнишь, ничего с тобой не случится!

Женщина удрученно задумалась у дверей, вздохнула и сказала:

– Ну, ладно, пойду, Офа. Закроете потом все. – И ушла, тихо затворив за собой дверь.

Офа тут же вскочила и закрыла за ней дверь на замок. Как только она повернула ключ, тут же в дверь стал стучаться доктор.

– Офа, открой, это я! – забарабанил он в дверь. Офа молчала, застыв у дверей. – Пусти меня, Офа, – не унимался доктор.

– Не пущу, – наконец отозвалась она загадочно. – Тебе чего?

– Я принес тебе яблок, – сказал тот.

– Положи под дверь и уходи.

– Их украдут, Офа. Давай я тебе их передам. Заходить не буду, только передам через дверь.

Офа щелкнула замком. Сделала маленькую щель и высунула только руку:

– Давай! – Она помотала в воздухе рукой, не показывая своего лица. Он вложил в руку сетку с яблоками, руку успел поцеловать. Она тут же закрылась снова, приговаривая:

– Спасибо. Ты уже помогаешь мне, значит, я на верном пути, – сообщила она. – Я не хочу, чтобы ты видел мое лицо, оно такое... разгоряченное! Просто я у цели, доктор!

Он покорно слушал ее.

– Иди! – приказала она ему, и он побрел по коридору вон из больничного архива.

Офа пошла в глубину архива, стала рыться на одной из полок и наконец достала тонкое «дело» – она закрыла лицо руками, тоненько взвыла даже, постояла с секунду, словно от головокружения, схватившись за лоб, потом побежала к столу и судорожно начала читать, листать, шевеля губами, и перелистывать.

Вслух несколько раз она прошептала:

– Цветочная, 25, квартира 5. Цветочная, 25, квартира 5!

Захлопнула дело, сложила его в два раза и запихала в свою белую сумочку с потрепанными ручками.

Офа стоит на углу дома 25 по улице Цветочной. Заходит в подъезд. На этаже звонит в квартиру 5.

– Кто там? – слышится женский голос.

– К вам по делу, пустите, – проговорила вежливо Офа.

– Не пущу, – сказал голос. – Я одинока, и уже ночь на дворе.

Офа вышла во двор, посмотрела на окно пятой квартиры – увидела женщину лет пятидесяти с лишним. Запомнила ее внешность.

Утро следующего дня. Офа сидит на скамейке. Подъездная дверь открывается, выходит та самая женщина. Офа говорит сидящему рядом мальчику лет одиннадцати:

– Пойди и толкни ее. На, – она дает ему деньги. Парень бросает сигаретку, поправляет на пальце фальшивый перстень и бежит за женщиной. Делает вокруг нее несколько кругов – та настороженно остановилась, наблюдая за его манипуляциями. Мальчик толкнул ее в спину, тогда она врезала ему палкой прямо по голове – палка у нее была тоненькая, дамская, но, видно, била больно, потому что мальчик заорал как резаный и убежал, схватившись за окровавленную голову.

Женщина пошла дальше. Приятно пораженная, Офа двинулась следом за ней. При всей своей защищенности вид эта женщина имела незащищенный, и даже беззащитный, лирический. Двигалась она женственно и небыстро, прическу имела кудрявую и ухоженную, взгляд – рассеянный и отрешенный. На палочку она не опиралась, но несла в руках как зонтик. Палочка была белая, и в платье она одета была тоже белом, длинном, даже каком-то массивном, навещающем какие-то доисторические ассоциации.

Офа шла за ней, выслеживая, куда же та пойдет. Та вырулила в конце концов в парк и села на скамейку у реки в довольно глухом, уединенном месте, заросшем ивами. Скамейка была полуразрушенная. Хрустнув кустами, Офа подошла к женщине и села на скамейку. Та глянула на нее недовольно, шевельнув в руках книгой, которую она читала.

– Не знаете, здесь купаются? – спросила Офа очень нежным голосом.

– Да вы что! – сказала женщина. – Из этой реки потом нельзя выбраться. Здесь илистое дно и зыбкий берег.

Офа слушала и кивала ей, но самое главное – ее целью было лишить эту женщину палочки, которая стояла у той за спиной, прислоненная к скамейке. Офа вытянула руку по краю скамейки и пальцем толкнула палку, чтобы она свалилась в траву.

– Так-так-так... – деловито отозвалась Офа.

– Вы мне мешаете этим своим «так-так-так», – сказала женщина.

– Сразу видно, – сказала Офа, – что у вас нет детей!

– Чтобы они повторяли мою судьбу? – та отрицательно помотала головой.

– А что у вас за судьба, чтобы вы не хотели, чтобы они повторяли? – трехсложно, как песню пропела, спросила Офа настораживаясь.

– Здесь совпадения падают подчас и на детали, девушка...

– Можно, знаете, проверить. Вот, ну неужели вы сейчас читаете книгу про невинно утонувшую Офелию?

Женщина немного удивленно глянула на нее.

– Да, – сказала она. – Офелия – мой любимый персонаж, но вы, девушка, наверно, подглядели!

– Нет, – сказала Офа, – я просто действовала вашим методом совпадений. Но если все так получается, то это – ужасно!

Она стала внимательно вглядываться в лицо женщины, вырвала у нее из рук книгу, посмотрела оглавление и название. Вернула книгу и сказала:

– Простите мне мои сиротские выходки.

– Вы – сирота? – равнодушно поинтересовалась женщина. – Ну, ничего, ничего.

– Чем же мне вам помочь? – спросила ее Офа. – Вы не голодаете?

– Нет, – ответила женщина.

– Вы счастливы?

– Нет.

– А за что вы любите эту бедную Офелию? Скажите мне.

– Ну, за ее красивую, пожалуй, смерть, – неожиданно ответила женщина. – Я завидую ее смерти, как вы точно выразились, невинно утонувшая. Ах, как это притягательно. Но мне самой так никогда не удастся. Где моя палочка? – нежно проворковала она. – Мне надо идти, пора обедать. – Офа вскочила и стала как бы искать палочку, высказав предположение:

– Я помогу вам, я помогу вам, она, наверное, закатилась под уклон к берегу.

Обе женщины подошли к самой воде, вглядываясь себе под ноги.

– Как все само совпадает и решается, – сказала Офа и толкнула женщину в спину. Та, не удержав равновесие, полетела в воду, ухнула в нее, и ее длинное платье, набираясь и пропитываясь водой, потянуло ее на дно.

Женщина стала цепляться за иву, опустившую свои ветки в воду, но они были очень скользкие. Офа нашла палочку и, оттягивая подальше от женщины спасительные ветки в сторону, говорила ей так:

– Ну это же хорошая смерть, мама! Ты же сама мечтала и грезилась о ней, а я воплотила ее в жизнь. Давай прощаться, ведь все складывается независимо от нас, мама!.. И ты ни в чем теперь не виновата передо мной, я прощаю тебя!

Женщина, еще раз глотнув воздуха, скрылась с головой в прозрачную воду, утянутая своим надуманным офелиевским платьем. Через некоторое время все было с ней покончено: тихое течение шевелило ее труп на дне между трав – вода была прозрачная, и дно проглядывалось. Тело матери лежало на спине и двигалось, словно дышало, как живое, с извивающимися прядями вокруг головы.

Офа сидела на скамейке, держа в руках вынутое из сумочки дело ее матери из архива: как настоящий судья, перекинув ногу на ногу, опершись одной рукой о палочку.

Закуривая, она подпалила и дело. Палочку выкинула далеко в воду, встала и покинула место преступления.

Монологи медсестры к фильму «увлечения»

Морг – это хорошо. Прохладно. Вообще у нас очень сильные патологоанатомы, и сегодня я там тоже была по поводу одного нашего пациента, молодого мужчины. Каждый раз мне все это смотреть уже наскучило, и тогда я стала смотреть в лицо умершему, когда ему это делали, и оно у него было такое... сморщенное, как будто он еле терпит, а когда всё закончили и зашили, лицо у него так разгладилось, словно ему наконец-то настало облегчение. Правда, сегодня была такая хорошая патологоанатомша. Так она все виртуозно делает, сильная, сильнее любого мужчины, так она все проделывает, что можно засмотреться на нее, и даже странно: на таком посту – и красавица! О, ей все любуются!.. Ее серьезному лицу...

Еще когда я училась, здесь в Торах нашли одного повесившегося мальчика... восемнадцати лет. Говорили, что он умер из-за несчастной любви. А на солнце он не испортился, а наоборот, сохранился – замумифицировался, долго висел. Ну, потому что пока еще нежирный был. Мальчика для следствия не вынули из петли, а сняли прямо с суком. И теперь он у нас – на кафедре патологоанатомии, в шкафу. Так странно видеть такой насмешливый финал любви. И некоторые его желали выкрасть и захоронить, но только теоретически, только теоретически.

Есть для тебя как раз – место санитаря. Носить... ну, ты догадываешься, какие такие тяжести и ежевечерне-ежеутренне – ведро. В него тебе будут накладывать в банках органы. Банка на банке, главное не бряцать ведром и не разбить. А так ты даже не сможешь толком увидеть!.. Ты привыкнешь.

– Я с вами оттого... что все-таки нужно иметь друзей. *(Пауза и, может быть, такие фразы.)* Я часто думаю, а кто понесет гроб?

– Какой гроб?

– Ну, мой собственный... Ведь у меня никого нет такого, кто бы мог поднять такую тяжесть. Не-ет, я не специально, но вот если... *(Ударение на это слово.)* Ну, вот если, то ты это сделаешь? Ладно? *(Улыбается одновременно.)*

– Отчего ты такие странные вопросы спрашиваешь?

– Ниотчего, нет никаких у меня оснований и фактов для этого, а просто подстраховываюсь. Как будто меня кто-то под руку толкает, вот сижу я с вами, а мне же самой идет нашептывание: «Спроси, спроси про это, кто же понесет? Подстрахуйся, ведь они назначались тебе в друзья», – вот я и не могу совладать, и спрашиваю так странно... *(Пауза. Далее уже веселее. Опять просыпается рассказчик.)* Хотя я знаю, как повлиять на судьбу. Одна моя подруга так вычислила... Я очень люблю ненормальные идеи этой подруги и ее саму тоже. Она живет на Востоке. Она поучает, что надо разрабатывать линию жизни и линию успеха прямо на руке, необязательно в реальности. Вот, например, от природы она у вас короткая и неразвитая, так вы берете и чем-то острым и тонким проводите – прочерчиваете по этой линии на ладони, делая ее жирной и значительной, и ваша жизнь тоже меняется. Оказывается, так просто! ... Кажется, это она сама сочинила и постоянно держит на своих ладонях что-то острое или проводит ногтем... Прощайте.

Мой возлюбленный принес мне пистолет. Он принес его, заглядывая мне в глаза, чтобы он просто лежал у меня день, а потом, испугавшись, унес. А потом принес три пистолета, они лежали у меня долго, все заряженные, и он долго не звонил мне. Я все ждала его звонка, хотела сказать ему:

– Забери! Я предчувствую что-то нехорошее!..

Все-таки он позвонил. Я сказала эти приготовленные ему слова. Он тут же примчался несвойственно быстро и точно для него. Взял пистолеты и разрядил их. Вынул обоймы, а сами

остовы оставил. Я улыбалась в те дни, засыпая, вспоминая его озабоченное лицо, когда он засовывал под ремень обоймы с патронами.

И вот он опять привез уже револьвер. И это был револьвер весь заряженный. Семь пуль. И я часто смотрела на черный мешочек, заброшенный у меня на шкаф, где хранилось все это: «А неужели он не боится за меня? Неужели?»

И когда он принес мне этот, уже пятый по счету револьвер, весь заряженный, я осознала, что «ЗДЕСЬ НЕТ ЛЮБВИ». Не-ет, не так, как говорят другие девушки, с подвывом и правдой жизни в глазах: «Он не лю-ю-юбит меня!» Нет! Я очутилась в огромном пустом поле, оглядев которое, можно было только и проронить:

– Здесь нет любви. Более того, здесь нет ни-че-го.

Но была история и с автоматом тоже. Но тут я испугалась за проживающих со мной. Все родственники столь бесцеремонны, им всегда что-то нужно не у себя в шкафу, а у меня. Я решила спрятать автомат у тети в соседней комнате, у себя она никогда не роется. Сначала я положила ей его под кровать, но вдруг вспомнила, что кровать у нее панцирная, тетя весит достаточно, и дно кровати у нее прогибается, едва не касаясь пола и, верно, задевая автомат.

Я представила себе, как она ворочается и задевается спуск.

Прямо ночью я достала автомат у нее из-под кровати. Тетя моя была очень поражена, увидев его, а потом мне показалось, ей это понравилось, но по глазам ее я увидела, что при малейшей опасности, когда кто-то соответствующий будет спрашивать ее, она предаст меня! Что-то такое было в ее глазах. Вместе с ней мы спрятали автомат у нее на шкафу. Я купила тете много куриц свежемороженных в этот период хранения, много яиц, пирожных, бананов, семечек, которые она любила больше всего на свете. Я проводила с ней долгие беседы на кухне, пила с ней чай по несколько чашек, приносила ей прессу, отдала ей ключи от всех своих замков и шкафчиков, дала распороть свое золотое платье, отдала ей читать письма моих прошлых поклонников и вообще все письма, которые я изредка получала от своих подруг тоже, – она вошла в мою жизнь! Она входила ко мне каждое утро, рано-рано, со словами:

– Пора вставааать!

Она была счастлива в тот период!

Как только появился мой возлюбленный, в пакете, со страшными словами, я отдала ему его автомат!

Пистолеты – это тоже отдельная тема, а вы говорите: лошади, лошади, лошади...

Меня заботит тема красоты и тема стремления к финалу. Каждый родившийся человек, пусть некрасивый, переживает в своей жизни пик красоты, хоть полчаса, хоть несколько мгновений, но он бывает прекрасным. Но обычно это бывает в ранней юности. Я видела, а вот хотя бы Саша Милашевский достиг в юности пика красоты – он тогда был на берегу моря на прогулке. Сидел в каталке, и я оставила его у кустов. Солнце падало ему на лицо, его мучила боль, но его лицо вдруг сделалось так прекрасно! Это, наверно, длилось до самого заката, а на следующий день – все прошло. Все ушло. Его лицо потемнело чуть, на него легла какая-то тень обыденности – оно стало обычным. Значит, пик миновал, подумала я. Некоторым даны сутки, некоторым – мгновения, у некоторых – месяцами длится красота, а потом куда-то девается! У иных годами лицо красиво – все время красота на пике!

Но красота всегда стремится к финалу, то есть к самоуничтожению... Эта тема меня тоже заботит (*пожимает плечами*), но она неуловима, но она неуловима... Лично я боюсь не смерти, а бессмертия... Как объяснить? Меня прямо уже заранее передергивает от омерзения, прямо передергивает!..

А одна моя подруга с Востока мне по телефону вдруг говорит: «Остерегайся, – говорит, – красивых примет; если ты попадешь в опасную ситуацию, но будут соблюдены все условия красоты, то ты согласишься на такую гибель!» Я говорю: «Как? Как это?» Ну она отвечает: «Бойся красивых опасных ситуаций, у тебя туда склонность по судьбе, если...» Я не встречала

ни одной Лилии в своей жизни, только себя... Есть такая песня – «Лучшие друзья девушки – бриллианты».

Очень любимая Рита, последняя с ней встреча

– Ну, послушайте, ну, расскажите, пожалуйста, что вы там жуете...

– Да что вы... ничего особенного, вот колбаску...

– Да что же вы мне не предлагаете, а только молчите?

– К-ха (*звуки поперхнувшейся*).

– Да ничего, ничего... А вы думали вот как раз до бутерброда?

– Ничего не думала.

– А я очень много думаю о вас... об окрестностях, о болях возникающих. – Через паузу: – Расскажите, пожалуйста, что вы там записали себе в бумажки?

– Я? Это... письмо.

– Нет, врете. Ну, в общем, это дневник. Да и это естественно в вашем положении. Я б и сама начала заниматься этим делом, если б мне не было смешно смотреть на вас.

– ... (*Там молчание.*)

– Ну, посмотрите, ну, послушайте, посудите – вы садитесь ко мне своей ровной спиной, прямо перед моим носом, садитесь на свою свалявшуюся подушку, потом вы уставляетесь куда-то вперед себя через воздух, а потом вы начинаете что-то медленно строчить. А главная штука, я валяюсь рядом как последний придурок.

Вы знаете, о чем я начинаю думать – всякую недостойную ерунду. Я начинаю думать, ведь как мне жарко, и что я почти мокрая под одеялом, а потом я начинаю вас разглядывать. Вы давно не моете волосы, это дурно. Майка под мышками растянулась ну прямо до неприличного. У вас мне нравятся руки, они хороши, что плохо, что пальцы тупые – без ногтей. Но я вижу, вас это совершенно не трогает. Вот вам сколько лет?

– Я прошу вас, не курите здесь, не надо здесь курить, здесь нельзя курить, надоело уже!

– Нет, ничего, я помаленьку покурю, неслышно...

Этот разговор случился днем в двухместной палате, зимой, между двумя молодыми женщинами.

На улице из-за оттепели пропало солнце. Небо было ровное и белое. Комнату заполнял серый свет.

Риточка Готье, та, которая все время спрашивала, лежала лицом к окну. Параллельно ее кровати, чуть впереди, стояла кровать соседки. Соседка все время цыкала языком, как это делают люди, прочищая зубы. Это было отвратительно.

Рита лежала, завернувшись в одеяло. Глядя на ее лицо, сразу можно было сказать – она хороший человек. Худые руки она протянула вдоль тела.

Ее соседка, значительно старше (лет на десять), с прямой спиной сидела на подушке и читала написанное ей самой в своей толстой тетрадке. Почерк у нее был мелкий.

В своих отрывочных больничных записях она писала:

«СО МНОЙ ЖИВЕТ ОЧАРОВАТЕЛЬНОЕ, НО ГЛУПОЕ, ИНФАНТИЛЬНОЕ СУЩЕСТВО. ПЕРВЫЕ ДНИ МНЕ С НЕЙ БЫЛО ТАК ХОРОШО – НАБЛЮДАТЬ ЗА НЕЙ, ЗА ЕЕ БЕССМЫСЛЕННЫМИ РЕЧАМИ, А ТЕПЕРЬ Я УСТАЛА ОТ НЕЕ И ПОЭТОМУ ДЕРЖУСЬ С НЕЙ СТРОГО И РАВНОДУШНО И МОЛЧУ. ОНА МЕШАЕТ МНЕ ДУМАТЬ».

Все стихло. Они лежали немного в тишине. Рита беспокойно и громко все вздыхала, пока тихо не открылась дверь и вошла Надя – врач с черными волосами. Взглянув на нее, можно было с уверенностью сказать, что она человек добрый, мягкий и отзывчивый. С ласковым лицом она подошла к постели Риточки. Против всех медицинских правил села на краешек кровати. Они радостно заулыбались друг другу. Рита наклонилась к своей тумбочке, достала два яблока, одно отдала Наде.

– Надя! – начала задумчиво соскучившаяся Рита, – лежа тут я вспомнила... такая ерунда: одна моя приятельница по институту. Да ты знаешь ее, Дина такая с лечебного. Мы с ней сидим в одной компании. Я помню, сидим, молчание, неловкость какая-то наступила, стало скучно. И один там приятель, уже порядочно пьяный, говорит, кто выпьет на спор стакан кипятку, и моя Дина говорит: «Я!», берет, наливает, выпивает и чуть не умерла. Но ничего, не умерла.

Потом, ты знаешь, мои мысли переключились, и я вспомнила, что мне всегда не хватало лимонов в доме, чай выпить... А так хотелось. Верно, когда я уже состарюсь совсем, высажу, разумеется, в просторный горшок лимон. Всегда будут лимоны, да. – Она болтала и смотрела на реакцию своей подруги, та откусывала яблоко и кивала. Это как-то приободрило Риту, и она стала болтать дальше: – Ну, вот послушай, мне нравится осень, когда непременно идет дождь, стоят мокрые голые статуи, и к ним непременно прилипают черные листья, и по невымощенной земле, обычной, натуральной, лежат уже темно-желтые листья и прикрывают грязь. А когда я легла – осенью. Я еще выходила в сад, там сидел один больной в тубетейке.

– А! – перебила ее Надя. – Знаю, это из Киргизии.

– Ну да, с узкими глазами, очень скрытный оказался, но мне таки потом рассказал, что до войны и после войны он работал бог знает кем в милиции! Он ездил по всему Фрунзе на общественном транспорте и запоминал лица. Он знал всех в городе, а если появлялся новый, то он докладывал по всей форме, его в лицо тоже знал весь город. Однажды его все-таки хотели убить.

– Да, – сказала, выслушав, Надя, – ты рассказывала.

– Я соседке не рассказывала. Вы хорошо слышали? – спросила, поворачивая голову к замершей женщине с тетрадкой на коленях.

– Нет, – едва улыбаясь и косясь на Надю, сказала пишущая, – у меня свои дела.

Они помолчали как-то в неловкости. Рита огрызок положила на тумбочку. Надя вздохнула, собрала в руку и свой и Ритин огрызок, встала:

– Я пойду.

– Может, еще по одному? – спросила Рита.

Надя пожала круглыми плечами и повернулась к ней спиной. В разрез белого халата Рита увидела теплую вязаную юбку и сказала:

– У тебя хорошая юбка.

Уже стемнело. Несколько дежурных врачей в комнатке за списанным старым круглым столом, накрытым клеенкой.

К ним вошла санитарка и приветливо спросила:

– Сейчас ужин был, принести в тарелочках?

– Несите, – сказал один врач.

Та угодливо закивала.

Надя говорила толстому врачу:

– Епифанова вчера на тележке пришлось вывозить под простыней, чтоб больные не видели. Зачем сегодня-то? Больные подумали, врач умер на вахте, а он, дурак, взял одну медсестру из-под простыни за руку укусил.

– Ну, а вы Ритку сегодня позовете? – вмешалась Таня, доставая стаканы из шкафчика.

– Не надо, – не очень уверенно сказала Надя.

– Надо-надо-надо!!! – закричала Таня и прикрыла свой рот ладонью, тихо переспросила: – Доставать? – и она достала колбу с прозрачной жидкостью (спирт).

Ночью Надя, шатаясь в черном коридоре, нашла палату Риты. Она подкралась к ее постели и игриво спросила: «Ты не спишь?» Было тихо. «Я тебя так люблю!» – сказала Надя, но будить не стала, а только буркнула: «Мда, ну, ладно, мда» – с этими словами она оглянулась вокруг и увидела, как на нее смотрит пишущая соседка – внимательно и с неприязнью. Надя без слов поспешно выбежала в коридор. Навстречу везли пустую каталку.

Утренняя пятиминутка представляла собой неприятное зрелище. Все начиналось с того, что открывался давно не ремонтировавшийся огромный зал, который по многим следам на потолке, стенах и полу, был когда-то сильно – чуть ли не до краев затоплен.

Паркетный пол поднялся в некоторых местах «кочками» в тридцать пятьдесят сантиметров от пола. Вокруг вздутый расставлены разрозненные стулья. К стене прижат стол президента.

За окном – еще утренняя зимняя темнота. И в этой темноте тихонько входит весь персонал. Он входит и рассеивается с тихим шарканьем подошв, иной не редкий раз слабый вскрик споткнувшегося врача о массивную выбившуюся паркетину нарушает тишину. Почему-то перешептываясь, а не говоря в полный голос, заходит очень много стариков-врачей, проработавших здесь уже десятки лет. Как правило, они дрожащими шагами заходят первыми, занимая места поближе к «верховному» столу. В руках они всегда с собой приносят папки с какими-то специальными бумагами не в пример молодым врачам. Их сутулые фигуры можно увидеть и у окна, и в том углу ближе к батарее – они садятся поодиночке. Но прежде чем сесть, они чаще других спотыкаются и, что самое ужасное, неловко падают...

Затем входят врачи средних лет, и с их появлением зажигается свет, от которого начинают слезиться глаза у присутствующих.

Итак, входит профессор с розовой лысиной. За ним его заместительница.

– Ну, что? Здравствуйте, – говорит профессор, садится и рукой помахивает кому-то с первого ряда.

– Ну, да! Я знаю, – говорит женщина-врач длинного роста почти оскорбленно, – я сообщаю сегодня. – Она выходит, встает у стола на маленькое вздутие в паркете и тихо говорит:

– За ночь и за истекший вчерашний день все-таки умерло три человека, и все мужчины с мужского отделения, смерть их всех была ожидаема, и лечащий врач Дупель проводил с ними соответствующие мероприятия.

– Вы говорите как-то непонятно, – раздраженно перебивает ее профессор. Она удивленно поднимает брови и плечи, через паузу слово в слово повторяет сказанное выше, и теперь ее никто не остановил.

Надя сидит у окна рядом с задремавшей старенькой врачихой.

В это время Маргарите Готье снился страшный утренний сон.

– Тише, тише, моя девочка, не расстраивайся. Тебе уже все приготовлено.

– Ой, мама, ну, не сегодня. – Рита вместе с матерью шли скользящими шагами куда-то наискось ровного, с присыпанным тонким слоем желтого песка, пустыря.

– Ну, так нельзя, – уже строже говорит мать и берет Риту под руку. – Надо.

– Нет, мама, я боюсь.

– Нет, ну, что ты, смотри, как все приготовлено нарядно, ах, как радостно, и не бойся. – Они подходят к столу, длинному, на одной половине которого стоят яства, на другой – вытянутый дощатый ящик. Чуть подальше стоит ожидающая и недобро настроенная толпа гостей. В основном это одни мужчины, с круглыми наевшимися пузами и растерянными лицами. Одеты они в сатиновые черные одежды.

– Здравствуй, моя девочка, – говорит один из них, но голос его нерешителен, и слова повисают в воздухе.

– Что это за люди? – спрашивает Рита с любопытством.

– Ничего, это люди. Что ты задаешь неправильные вопросы в такой ситуации? – ласково и грустно отвечает мать.

К Рите подходит какая-то женщина, по сну она получается родственницей. Она говорит:

– Пора уже, – и голос ее дрожит торжественно и нетерпеливо.

– Просто я очень боюсь, – начинает оправдываться откровенная Рита.

Они ведут ее под руки. Она легко становится нарядными женскими каблуками сначала на скамейку у стола, потом на саму крышку стола.

– Ай-ай-ай, – умильно сложив руки перед подбородком, качает головой мама.

– Надо, все уже готово, вон пришел один уже, – уже более житейским тоном говорит родственница, кивая на показавшегося на том краю пустыря человека с золотыми музыкальными тарелками. – Вот обезьяна-то, – с презрением наблюдает она за ним.

– Плевать на него сейчас, – строго одергивает ее мать. – Нам надо дочь как следует положить, а ты что?

Одернутая, та молчит и уже немного обиженно поправляет бантики на туфлях у Риты, стоящей на столе, оттирает с них нанесенную пыль.

– Да я уж сама как-нибудь, – холодно говорит Рита. Становится в грубо сколоченный ящик сначала одной ногой, потом обеими. Садится в нем на корточки и строго говорит: – Подушки нет.

– На, вот, свою отдаю, – говорит родственница. Пока она ей подкладывает подушку, Рита спрашивает:

– Что ж так бедно?

Мать жалко пожимает плечами и говорит:

– Деньги-то всегда нужны, а на это уже нет такого богатства раскошелиться, но и это прилично.

Рита ложится головой на подушку, вытягивает ноги и упирается каблуками в стенку – сколоченное дерево скрипит, трещит.

– Смотри не разломай раньше времени, – как в детстве грозит пальцем мать.

До самого подбородка укладывает на Риту живые цветы, Рита вертит головой, ищет мать и говорит:

– Мама, я боюсь. Я не хочу.

Мужчины поднимают ящик с ней. Причем сначала подняли «ножной» конец, потому что на том конце мужчины были более активными и веселыми, а потом уже только голову – это составило некоторое неудобство для Риты, и она совсем разволновалась и панически стала хвататься за борта ящика.

– Мама, – она повернула голову к сразу уменьшившейся матери, стоявшей на земле, – мама, я не хочу!

Мать стала «загребать» на нее ладошкой. (Такой жест.)

Тощая вереница тянется за ее «кортежем». «Обезьяна» бьет в тарелки, но получается как-то неслышно.

– Мама, можно я скажу, можно я скажу... – что-то действительно хочет сказать Риточка, но мама сквозь ветер кричит таким заботливым спокойным голосом:

– Не верти головой.

Рита смотрит на ровное синее небо.

– Ты там не начни курить, уж, пожалуйста, – говорит мама и утирает платочком заплаканные глаза.

Рита просыпается. И опять видит перед собой ровно вытянутую спину пишущей соседки, сидящей прямо на подушке. Соседка обеспокоенно оглядывается на нее. Тронутая вниманием, Рита говорит:

– Мне снился сон, и там никак не дают сказать что-то последнее важное и несут-несут куда-то, и все это время я боялась вылететь с носилок и удариться об землю. – Рита намеренно сглаживает слово «самое страшное» во сне. Соседка без всякого выражения на лице смотрит на нее. Она ждет, пока Рита заговорит, но та все молчит, и пишущая без слов отворачивается. Рита разглядывает ее спину с худыми лопатками. Потом она разглядывает спутанные жидкие

волосы соседки. Рита поднимается на локте, видит, что соседка ничем не занята, а только как обычно задумчиво «перевертывает» воздух, предлагает ей:

– Давай я вас причешу и сделаю прическу от чистого сердца?

Соседка оскорбленно хватается рукой за свой взлохмаченный затылок, оглядывается испуганно.

– Ну, пожалуйста, – говорит Рита, быстро вынимает ноги из-под одеяла, как ребенок, не надевает тапочек и хлопает ступнями по холодному полу. Она садится прямо на кровать соседки. Впервые они видят друг друга вблизи. Соседка смущенно переворачивает свою испсанную истрепанную тетрадку.

– Я не смотрю, – предупреждая говорит Рита. – Где расческа?

Та делает странное движение головой, плечами, мол, «ну как хочешь, а я не уверена», достает из-под матраца коричневую сумку, а из нее расческу.

Рита смотрит на нее прямо в упор. Расчесывает ее так, что черты и весь облик соседки становятся определенными и та, вроде как даже, немного постарела, чуть причесавшись – видно, зачесанные волосы со лба ее только испортили. Нос у нее обострился, выступили круглые скулы, выпирающие прямо под глазами.

Что-то дрогнуло и «поехало» и в выражении лица пишущей, она, вблизи встретившись с Ритой, стала сразу жалкой и стесняющейся.

Рита откровенно говорит ей:

– Ну, ничего, ничего.

Расчесывает ее. Та раскрывает глаза. Рита устраивает у нее на лбу челку, потом убирает все волосы набок, потом опять лохматит. Соседка глубоко вздыхает.

– Правда, приятно, когда тебя расчесывают? – по-детски спрашивает Рита. Та безвольно пожимает плечами.

– У тебя интересное лицо, – говорит с сомнением Рита.

Та польщенно улыбается.

– Какое?

– Ну, такое. – Рита делает выразительную гримасу. Соседка криво улыбается и опять закрывает глаза.

Надя с пухлой подругой Таней стоят у окна. К ним подходит Рита в больничном халате.

– Ну, а ты ее не видела? – спрашивает ее Таня.

– Что? – та не понимает. Татьяна с довольным видом кивает в окно.

Внизу стоит такси.

– За тобой?

– Да, он таксист. – Таня им «делает ручкой» и убегает.

– Опять с ней что-нибудь произойдет, – говорит Надя.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – говорит Рита.

– Зачем ты встала? – спрашивает Надя, как врач больного.

Рита прислоняется животом к подоконнику и горячо говорит:

– Мне так плохо с ней жить! Очень мертвая женщина, сидит и, верно, пренебрегает мной, и пишет к себе что-то. У меня прямо к ней отвращение. Ты видела, какая у нее черная противная майка, и она совсем не мытая. Я к ней буду так же относиться... Иногда она на меня так посмотрит, будто я нежилец какой-то и она умней меня. И она все свои тряпки и бумажки засовывает под матрац, и они у нее о пружины трутся и кусочками сорят пол под кроватью...

– Ну, я не знаю, – кривясь, говорит Надя, припоминая соседку. – Ну, ты должна потерпеть. – Она поворачивается к ней спиной. – А я пойду.

Рите видно, что халат у нее сзади отсиделся в неглаженные складки, а в разрез проглядывается, в чем она одета – в ту же вязаную юбку.

Когда она зашла в палату, соседки не было. Желтая постель ее имела вид несвежий и мятый. На подушке была протоптана почти темная вмятина: от постоянного сидения на ней.

Рита подошла к окну, но, оглянувшись раз на кровать соседки, уже не могла рассмотреть ее повнимательней. С одной из железных перекладин, на которых крепилась панцирная сетка, касаясь матового пола, висели черная выстиранная майка и еще что-то, похожее на разорванную в тряпку вещь, тоже темного цвета. Из-под матраца торчали запасные тапочки и край вывернутой исписанными листами наружу личной тетради соседки.

Рита натянула ее двумя пальцами и, вытягив до конца, вдруг уронила на пол. Она тут же подобрала ее и торопливо прочитала, вытягивая шею от удивления, потому что с первых же попавшихся строчек было написано про нее:

«СО МНОЙ ЖИВЕТ ОЧАРОВАТЕЛЬНОЕ И ГЛУПОЕ СУЩЕСТВО. ПЕРВЫЕ ДНИ С НЕЙ МНЕ БЫЛО ТАК ХОРОШО – НАБЛЮДАТЬ ЗА НЕЙ, ЗА ЕЕ БЕССМЫСЛЕННЫМИ РЕЧАМИ. ДА, НО ТЕПЕРЬ МНЕ ПРИЕЛАСЬ ЕЕ ПРИСТАВУЧЕСТЬ, Я УСТАЮ ОТ НЕЕ И ТЕПЕРЬ ДЕРЖУСЬ С НЕЙ СТРОГО И РАВНОДУШНО. И МОЛЧУ. ОНА МЕШАЕТ МНЕ ДУМАТЬ.

Я ЗНАЮ ТО, ЧЕГО НЕ ЗНАЕТ ОНА. ВОТ УЖ ЧЕГО БЫ Я НЕ ЖЕЛАЛА ЗНАТЬ, ЧТОБ ПРОСУЩЕСТВОВАТЬ ЗДЕСЬ СПОКОЙНО – ДА НЕТ, ВОТ МОЯ СУДЬБА – УСЛЫШАТЬ НЕПРИЯТНУЮ ДЛЯ МЕНЯ ПРАВДУ. НО САМОЕ ТЯЖКОЕ ДЛЯ МЕНЯ – НЕ ЖИТЬ С ОБРЕЧЕННОЙ. А ДОГАДКИ, ЧТО БОЛЕЗНЬ ЕЕ МОЖЕТ ПЕРЕДАВАТЬСЯ ПО ВОЗДУХУ. Я СЛЫШАЛА, ЧТО ЕСТЬ ТАКИЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ. Я НЕ ЗНАЮ ПРО ЭТУ БОЛЕЗНЬ Л.-Л... Я ЗАПИШУ ЕЕ ДЛЯ СЕБЯ НА ЗАМЕТКУ. УЖ ЕСЛИ ОНА УМРЕТ, Я МОГУ ЗА НЕЙ ПОЛЕТЕТЬ». (Рядом были пририсованы плохо нарисованные бесстыдные крылышки.)

Рита по инерции засунула тетрадь под матрац, как она была. Быстро легла лицом к стенке. Вечером соседка с ней не заговорила.

(С того самого дня Рита уже не вставала.)

Утром Надя не могла ничего понять. Рита лежала лицом к стенке и плакала.

Надя испугалась и спросила:

– Ты что? – и положила ей руку на горячую вздрагивающую шею.

– Надя, у меня опять температура, – сказала Рита.

– Ну и что? – спросила Надя.

– Нет, – та оборвала ее, – я-то уж теперь знаю, что со мной. Надя, зачем вы мне не говорили?..

Надя промолчала, потом спохватилась и быстро заговорила беспокойным тоном, стараясь ВСЕ быстро-быстро «забить» словами, что уже было понятно, что Рита права.

– Кто тебе сказал такую... бред? – с неправильным употреблением рода начала она, стала гладить ее по голове, что обозначало, что вот она – живая перед ней, а разве стала бы она гладить мертвую? – Ты что? А?..

1. Через два дня Рита умерла ночью, без Нади.

Надя запомнила только одну фразу, которая почему-то казалась ей самой ужасной: «Надя, мне больно глотать».

2. Надя ночью через два дня дома.

Надя и ее очень высокий и здоровый муж расставались в коридоре.

По длинному коридору из кухни шли голоса еще ничего не знающих товарищей. (Те сидели за круглым столом, заставленным тарелками и бутылками. Над ними держалось облако от сигарет.)

Надя выглядела очень мрачной, с опущенными уголками рта. На ней был надет пышный плащ.

– Ах, Надя, – горько сказал ее муж.

Он не виноват был, что не знал и с друзьями до этого много выпил. С красным лицом он выражал скорбь, но мало что понимал.

Она молчала и не шевелилась. Она хотела услышать от него поддержку. Муж стал счищать пятнышки на ее плечах.

– Подружка была очень хорошая, – убедительно сказал он, – добрая, смелая, отзывчивая, тонкий человек.

Стенка в коридоре была обтянута красным ситцем.

Надя посмотрела на мужа – она любила слушаться его, но теперь он говорил что-то не то, но она все ждала от него поддержки, он уже стал улыбаться, встретившись с ее взглядом.

– Папочка, я пойду, – сказала она грустно.

– Сейчас! – торопливо воскликнул он и тяжело пробежал в кухню, быстро вернулся и дал Наде бутылку коньяка... – Это уж всегда пригодится, – сказал он (тут уже серьезно) и засунул бутылку в женскую сумочку.

Она вздохнула, он тоже вздохнул – совершив такой поступок, он растрогался. Надя повернулась спиной, открыла дверь. Он дружески похлопал ее по «выходящей» спине и еще долго стоял в дверях, какой-то просветленный – смотрел, как Надя уходит в раздутом пышном плаще.

Надя вышла на улицу. Кажется, подморозило. Но зима была какая-то непонятная, без снега.

Деревья стояли прутьями. Она шла долго и оказалась в роще. Стояла «американская» ночь с ярко-синим небом.

Потом она оказалась у огромного поля, увидела скамейку и села на нее. Она села посередине, расслабленно вытянула ноги. Мимо метрах в тридцати проходили люди. Вдалеке на асфальтированном поле стояло здание, все в электрическом свете. В него заходили целые толпы народа. Может, она сидела рядом со взлетным полем, но вряд ли, хотя было очень похоже.

Она сидела в опасном окаменении.

Вокруг нее стали расхаживать несколько черных ворон, самых крупных и отборных. Сначала они смотрели на нее издали, потом приблизились с серьезными «лицами» и стали бродить у самых ног, шевеля крыльями, кашляя по-вороньи.

Надя стала смотреть на них. Она достала из сумки коньяк, открутила пробку, отпила немного и спрятала в сумку.

Одна ворона напротив нее раскрыла клюв и так стояла, пока Надя не отпила еще глоток. Лицо у Нади покраснелось, она сделала еще глоток онемевшими губами.

Ворона с открытым клювом вдруг запрыгнула к ней на скамейку, потихоньку подошла почти вплотную, постояв так с минуту, залезла к ней на колени и перешла по ним на другую часть скамейки.

Надя отпила еще. Скосив глаза, она наблюдала за воронами.

Другие тоже хлопнулись на скамейку, с хриплыми кашлями, они тяжело проходили по ее коленям, больно вбивая свои черные когти в шерстяную юбку.

Это было похоже на сон, но это была правда. С ними Надя допила весь коньяк.

С невыспавшимся лицом Надя пришла утром в Центр.

У лифта стояли две каталки, накрытые простынями.

– Не смотри, не смотри, – сказала узнавшая ее медсестра. Надя стала подниматься по лестнице вверх.

В своем кабинете она надела халат. Забыла покурить. Села на стул у окна.

Отсюда ей стало видно сидящую за шкафом Таню. Та сидела и ковыряла пальцем уже совсем изорванные колготки на коленях. Воротник на пальто был у нее совсем испачкан, на скуле царапина.

– Что с вами? – спросила Надя и кашлянула.

– Что-то мне так плохо, – сказала Таня. – Ну, посудите сами, Надежда Ивановна, обманули, оскорбили, бросили в канаве, избili? Ну, это как?

– Ну, что вы, Таня, вам можно только позавидовать, – сказала Надя.

Таня стала счищать рукой испачканную юбку.

– Это еще счастье, что я около работы оказалась. Я на пятиминутку не пойду.

Надя встала и вышла.

Утром на пятиминутке зал был полный. Вокруг кочек были густо расставлены стулья. Сообщение делала женщина. Она сказала:

– Сегодня никто не умер. Сегодня умерла только Надина подруга.

– Ах-ах, – тут же сказала старая Гринберг, которая всегда спотыкалась и чаще других падала. Сейчас она растирала ударенное колено, но, услышав про близкую смерть, стала медленно разворачиваться, чтобы посмотреть на Надю. Надя не стала дожидаться ее взгляда, она быстро встала и вышла вон из зала, в коридор, по которому расхаживали больные из мужского отделения.

Она посмотрела на них и заплакала.

Надя стояла около кабинета профессора. Он как раз только что вышел и вопросительно посмотрел на Надю. Она ему говорила:

– Я вместе с ней сидела за одной партой в школе, а потом учились в одном институте, а на приемных экзаменах она тоже сидела рядом со мной, в прошлом году она привозила девочку с Л.-Л., я прошу не вскрывать ее!

– Ах, вот. – Он наклонил голову.

– Ну, кто я? Маленькая сошка, – сказала Надя жалобно, изо всех сил стараясь упрямить, – но она моя подруга.

Профессор вдруг затряс головой и медленно пошел от кабинета. Надя двинулась за ним. Тот убыстрял шаги, потом повернул голову с розовой лысиной (он был худенький и роста никакого).

– Вы ведь должны там присутствовать, – сказал он.

– Где?

– Ну, там. Пойдемте вместе. Я не могу придумать, как еще помогать. Я не дурной человек. Надя остановилась и отстала от него.

На улице, у подхода к низенькому зданию, она встретила ту же медсестру.

– Не смотри, Надя, – сказала та.

Надя грубо сказала:

– Ты-то что?

Та пожала плечами:

– Я бы не пошла.

Надя вошла в низкую дверь, постучала ногами на крыльце. Внутри было тепло. В соседней комнате, за стеклом, сидел молодой чернявый юноша с пробирками и делал анализы. Он, затравленный работой, только покосился на нее и беззвучно прошептал:

– Добрый день.

Надя прошла мимо стендов направо. В комнате стояло несколько человек. Надя, стараясь не смотреть на ТО, вокруг ЧЕГО они столпились, скромно поздоровалась и встала у стены. Ей освободили место у окна, но она как будто этого не замечала.

Своим объектом, лишь бы куда смотреть, она избрала человека, ИСПОЛНЯЮЩЕГО ЭТО. Он был молодым мужчиной, и лицо у него было непозволительно хамское. Неприятные маслянистые волосы падали ему на восковой лоб, вызывая неизъяснимо гадливое чувство. Он устало и пренебрежительно морщился.

Иногда в поле зрения Нади попадали его маленькие, как не мужские, – его живые руки с железными предметами. Он закончил. Отошел к стене, вымыл быстро в раковине руки, вернулся к столу и закурил.

Рядом с Надей стояла заведующая с широкой спиной, она держала руки в карманах. В ушах у нее висели янтарные сережки, и казалось, будто под ушами у нее помазано йодом.

Парень покурил, мелькнул по Наде взглядом и кинул окурок прямо в живот Готье.

Надя вздрогнула и оглянулась. Заведующая ничего не сказала, а только потерла себе нос. И никто ничего не сказал. Ассистент исполняющего гадко, гадким голосом сказал: «Еу, я!..» – встал спиной к Наде и заработал, задвигал правым локтем (особенно напряженно) – было понятно, что он стал зашивать.

Надя стояла тихо.

Таня и Надя шли с работы вместе. У Тани из-под пальто торчал медицинский халат, и она все время повторяла: «Халат бы где бы снять...»

Они шли по городской улице. На Наде была одета вязаная шапочка по брови, на Тане – белая меховая; длинная белая шерсть шевелилась над открытым лбом, солнце на ровные полные щеки.

– Ну, ты же знаешь, как мы все ее любили, – сказала Таня, глубоко вздыхая.

Надя сказала:

– Та-та-та-та, – соглашаясь.

Таня сказала:

– Она же невеста Христова. Она молодая и без мужчины, ее нужно класть в белом.

– Она маме писала, чтобы та ей прислала черную кофточку и черную юбку, чтобы в этих вещах она возвращалась домой.

– Ну, сюда! – сказала Таня, увидев нужную вывеску. Они зашли в магазин.

– У нас нет белых платьев, – сказала продавщица Тане и развернулась на каблуках к ним спиной.

– Значит, может, и не надо ей платья, раз нет? – спросила Таня у Нади.

Они вышли на улицу и метров через тридцать зашли в другой магазин, и там, толкаясь в очереди, купили в прозрачных мешочках красного карпа.

«ПРОШЕЛ ГОД. НАДЯ ПО СЛАБОСТИ ХАРАКТЕРА И ПО ЖЕЛАНИЮ МУЖА УШЛА С ТАКОЙ РАБОТЫ. ИЗ-ЗА ЧАСТЫХ ГОСТЕЙ ОНА СТАЛА МНОГО ВЫПИВАТЬ С ПРИЯТЕЛЯМИ, МНОГО СПАТЬ.

СЕГОДНЯ ВО ВРЕМЯ СНА ЕЙ ПОКАЗАЛОСЬ, БУДТО НА НЕЕ КТО-ТО СМОТРИТ».

Надя спала вместе со своим мужем, который был много старше ее, и сон его был тяжелым. Он лежал с широко раскрытым ртом и громко вздыхал. Надя за год заметно изменилась, она располнела, волосы у нее отросли и в данный момент были распущены по плечам.

Надя действительно чуть не задохнулась во сне и от этого испуганно очнулась, оглядываясь по сторонам. И вдруг боковым зрением уловила, что кто-то стоит.

И действительно, в дверях спальни, совсем близко к косяку, стоял человек в сером «плечистом» пальто, шерстяных рейтузах в каплях засохшей грязи и громоздких черных, бывших когда-то лакированными, ботинках. Человек стоял немного боком, но взгляд его упирался в глаза Наде и больше никуда.

Надя не заметила, как быстро поднялась с кровати, неловко подгребая под себя ноги.

Человек смотрел очень внимательно, терпеливо... В нем не чувствовалось опасности.

Надя откинула голову, и ее ослепило – перед ней стояла Рита Готье.

За этот срок волосы потемнели, зачесанные назад, они открывали лоб слоновой кости с одной-единственной, но очень выразительной морщиной по вертикали. Лицо у нее страшно похудело, равно как и тощие ноги в «дряблых» рейтузах.

Но в лице ее возникла выразительная торжественная незнакомая красота. Она глядела кротко.

Надя вскинулась. Оказалась голыми ногами на полу.

Вмиг ее сдавил горловой спазм, взмахнув руками, крепко прижав их к груди, она смотрела на Риту. На ее лице была печать беспокойства и строгости. Надю разорвали внутри рыдания, от спазмовых толчков она перестала дышать. Слезы навернулись у нее на глаза. Она проговорила, дрожа всем телом под ее страдающим взглядом:

– Прости меня!..

Все поплыло у нее перед глазами.

Муж проснулся. В коридоре летал густой едкий дым подмоченной сигареты. Готье исчезла. Муж увидел:

Надя сидела на высокой наполеоновской кровати со спущенными на пол голыми ногами и пыталась наладить дыхание: вдох и выдох.

Третий путь

новелла к фильму «мужские откровения»

Ничего нельзя было понять, что она говорит, сидя как всегда не так, как нормальные люди, а на ручке кресла (оно всю дорогу скрипело, готовое сломаться), при этом она говорила:

– А можно я не буду пересаживаться? Можно, я останусь на этой ручке? Ну, ты понимаешь, что я тебе говорю, хотя я совсем не умею говорить, я вот написала, хотя и писать свои мысли тоже не умею... Ну, ты понимаешь меня, а?

– Ну, так... примерно, конечно, но не очень. Ну, ты давай прочти, что ты написала, это ты вообще про кого говоришь? Про него, да? Он что сейчас делает? – спросила подруга, усиленно сконцентрировавшись на разговоре и даже подавшись всем телом вперед, в сторону качающейся на ручке Сони.

Та взорвалась:

– Ну, почему ты сразу так конкретно? Сразу про него?! Ну, он дома, дома он, я не выпустила его на улицу, заперла в квартире, он спит, спит он сейчас, и при чем здесь он? Всегда ты спрашиваешь про него, с какой стати?

И Соня вдруг стала чуть всхлипывать и немного всплакнула, сдерживая слезы, оправдывая свою грубость. Подруга ее озадаченно вздохнула, стараясь подыскать слова утешений:

– Ну что ты заплакала, какая вдруг причина, все же у тебя хорошо, ты выглядишь, правда, красиво, может, у тебя причина слез в том, что нету денег, или Он?

Соня с ненавистью опять рванулась:

– При чем здесь он? Ну, бывает же так, беспричинно!.. Я просто не знаю... чувства... ну все внутри... ну, понимаешь? И отчего у тебя всегда причина или в деньгах, или в мужчине? Какие вообще деньги?..

– Ну потому, что это так. Истоки всегда кроются где-то там. Причина всегда есть. Ты, просто, ее не формулируешь, – сказала подруга с досадой и добавила: – Ну да, я вообще очень реальный человек. Земной. Наверно, в этом мой минус. Но когда ты начинаешь о нем говорить, всегда отчего-то глаза блестят, плачешь, он что, бьет тебя, что он там с тобой делает?

– Ничего он со мной не делает. Я плачу не из-за него. Я просто заплакала от нервов, от тоски, от чувств, ну как ты не понимаешь, разве с тобой такого не бывало?.. И не будь как он, ты же хорошая, ведь разве не бывало?

– У меня всегда бывали причины, – сказала подруга. Подругу звали Полиной, она достала сигарету из пачки, закурила, Соня тоже взяла сигарету, затянулась ею и тут же потушила в какой-то чашке с кофе на столе. Всю ее как-то дергало, она взяла с колен свою бумажку, на которой от руки было что-то написано, стала читать ее про себя, очень при этом заражаясь волнением – рука у нее дрожала. Лист перекрывал ее лицо, она была поглощена полностью. Полине надоело это наблюдать. Она сказала:

– Ну, тогда давай прочитай вслух про свои чувства, а то так вообще ты меня запутала, я ничего не понимаю!

Соня стала читать откуда-то с середины:

– Ну вот, например... Хотя здесь тоже не очень понятно...

«У нее столько чувств было вначале, так огромна их история для нее – это весь ее мир, что она день за днем ощущает умирание чего-то огромного, по капле вытекающего... судорожно пытается словить, но уходящее льется ей на лицо в самые неожиданные моменты, перекрывая ей дыхание...»

Соня подняла голову, голос ее дрожал:

– Понимаешь?

Подруга ее, закусив губу, нахмуренная, сделала неопределенный жест рукой и все-таки сказала:

– Это что, про него? Ну, ладно, ладно, не отвечай, давай читай, что у тебя там дальше, ну, в бумажке.

«...когда он спокойно погружается в себя, кажется, что она сейчас крикнет так, что он умрет от разрыва сердца... Она устала, хочет принадлежать самой себе, ОСВОБОДИТЬСЯ, она уже не чувствует своего „я“, даже дышит для него...» Ну, что-то такое, теперь ты понимаешь?

Полина загадочно поглядела на нее, но ее реальная земная суть опять выдала ее, не дала потянуть паузу.

– Освободиться? – повторила она, вспоминая слово. – Есть два пути освобождения: или убить себя, или убить его. Ты какой путь избираешь?

– Ну, какая разница? Какая разница, какой путь? – закричала Соня и бросила бумажку на пол. Замолчала.

Окно в комнате, где они разговаривали, было открыто. Был вечер на дворе. Закричала какая-то женщина. Полина стала вслушиваться в крик. Соня заметила ей:

– И что тебя всегда интересуют посторонние крики? Я вот их, например, и не слышу. Давай поговорим лучше о нашей теме.

Полина: Разница есть. Одного мужчину я хотела убить сама и даже описывала ему, как я его убью. Чтобы он знал свое будущее...

Соня: Ну и как?

Полина: Двумя ножами в живот, и чтобы ножи были длинные и пересеклись между собой там, внутри у него! – Полина встала и показала жест двумя руками. – Но это не твой стиль, Соня. Ты всегда что-то подготавливаешь и скрываешь, скрываешь...

Соня: А второй путь?

Полина: Второй раз я решила умереть сама и написала завещание, чтобы никто не вскрывал мое тело и не расследовал причины юридическими путями.

Соня (*задумалась*): Господи, какая разница? Какая разница!!! Дай мне померить свое платье.

Полина сняла платье через голову, отдала подруге. Та встала, пошла с ним куда-то в коридор, произнося:

– Только ты извини, я без трусов сегодня. Не надела их, торопилась, и вообще я их выкинула... – И ее голос потерялся там где-то, в комнатах. Полина в это время подошла к окну и опять стала прислушиваться к вою какой-то женщины на улице. Вслух она сказала:

– Чего она так кричит?

Вышла Соня в ее платье.

– Тебе идет, – сказала Полина.

Соня: Нет, все, что идет тебе, никогда не идет мне. Мне надо идти. У меня и было-то времени в обрез.

Полина: Я пойду провожу тебя. Куплю сигарет. И темно уже. Что он так на тебя воздействует, не позволяй это делать над собой? Я, правда, ничего не поняла, но тоже чувствую... чувствую...

Они вышли на улицу. Полина купила сигарет на улице. Тут же вскрыла пачку и попросила у мальчика-продавца прикурить.

Тот прикурил, Соня при этом нервно оглядывалась по сторонам и одергивала короткую юбку. Пошли пешком.

Соня: А я дома заклеила все окна... Ему сказала, что «такая пыль!...»

Мимо них прошел здоровенный парень. Девушки проводили его взглядом.

Соня: Какой здоровый, полный сил!..

Полина: Ты так идеализируешь мужчин, что ты так все возвышаешь?

Соня: Да? Возвышаю? А мне кажется, нормально, и так приятно ходить без трусов...

Полина: Смотри, говорить ты не умеешь, что чувствуешь – ничего не понятно, записать тоже не смогла, надо тебе еще какой-то путь искать... Надо что-то делать, а то ты все страдаешь, страдаешь...

Соня (*раздраженно*): Да не страдаю я! Мне хорошо. Мне очень хорошо. Я вообще сейчас жду освобождения, понимаешь? Понимаешь? После такого... (*она неопределенно помахала рукой в воздухе.*) ...всегда ждет облегчение!.. Я же тебе все объясняю, объясняю, а ты не понимаешь!..

Полина: Всегда говоришь неточно, загадочности какие-то... Почему не говоришь правды? Я, кстати, тебе могу подарить свое белье...

Соня: Да говорю я! Говорю! Отстань от меня!

И она забежала чуть вперед Полины. Теперь Полина видела только ее нервно вздрагивающую спину. Они вошли в какой-то скверик. Молча, друг за другом, пересекали его. Полина только один раз окликнула ее:

– Опять плачешь?

Та только дернула плечом и убыстрила шаги.

Они подошли к дому Сони. На втором этаже старого дома горел свет. Девушки встали под окном. В окне прошла фигура, принадлежащая ЕМУ. Полина первая нарушила молчание:

– Ну? Что мы тут стоим? Я ничего не понимаю!..

Соня (*не сводя с окна глаз*): Не окликай его, не окликай!

Полина: Я и не собиралась. Он такой тщедушный, он же не курит?

Соня: Не курит. У него диета. Вообще он приболел... У него нос заложило... – Соня раскрыла свою ладонь – там у нее была монетка, чтобы позвонить. – Стой здесь, я пойду ему позвоню!

Соня перешла дорогу – там был телефон-автомат. Набрала номер телефона, дико как-то улыбаясь:

– А-а-лле! Это ты? (*Говорит очень нежно.*) Ну, как ты?

ОН: Ты где?

Соня: Я здесь, на улице, прямо напротив дома. Захотела услышать твой голос. Помнишь, я писала сегодня, ну, что «без него у нее будто бы отрубили крылья на большой высоте, и она испытывала весь ужас падения»?..

ОН: Да болею я, какой такой голос!.. Ушла, ключи унесла, по всей квартире чем-то воняет!.. Что ты опять хочешь?

Соня в это время смотрела на окно во втором этаже опять полными слез глазами.

Соня: Не говори сегодня со мной так, не говори...

ОН: Это я устал, не могла бы ты быть немного понежнее?.. Ну, я читал, читал, что ты писала, ну? Что тебе еще надо?

Соня: Ну, ладно, не буду тебе говорить плохих слов сегодня... а ведь у тебя насморк, как ты можешь чувствовать запах? Ну ладно, не буду говорить тебе плохих слов сегодня... Я, наоборот, хотела все красиво, хотела попросить тебя в последний раз... одну вещь!

ОН (*с тайным раздражением*): Какую вещь? Что опять?

Соня: Не мог бы ты не присматриваться никуда, не искать ни запахов, ни вони, а выключить свет в нашем окне, подойти... там на кухне на подоконнике я оставила свечку. Зажги ее! Я посмотрю с улицы, как это выглядит. И сразу вернусь домой, к тебе! Пожалуйста, любимый мой!

Он молчал.

Соня: Сделаешь? Не отказывай мне сегодня, не сопротивляйся. Ведь ты же мой?

ОН: Свечку на подоконнике? Опять в сто десятый раз...

Соня: Да! И помашки мне рукой... как бы на прощание, понимаешь? Все в любви должно быть красиво, пойми, это же не трудно!

ОН: Ладно! Если это тебя так возбуждает...

Короткие гудки.

Соня постояла, вернулась к подруге, ждущей на парапете.

Полина: Ну? Я не зову его.

Соня: Сейчас, сейчас...

Свет в кухне погас. Темная фигура подошла к окну. Помахала слабо.

Полина: Что он там махает?

Но не договорила, вспыхнул огонь спички, вдруг внутри кухни все наполнилось взрывом, и к ногам девушек прилетел кусок белой шторы и кусок чего-то неопределенно-кровавого.

Полина, опомнившись, повернула голову на Соню. Кажется, она что-то стала понимать, но тоже не до конца, да и вообще, реально ли понять другую душу до конца?

Ждать женщину

новелла

Фаина курит, перед ней чашка кофе. Сидит она у себя на кухне прямо перед окном и смотрит на улицу, не отрываясь. Не глядя берет новую сигарету, прикуривает от старой – пачка уже почти пустая.

Рядом с ней стоит ее муж Михаил. Он говорит:

– Почему ты никуда никогда не выходишь? Что ты все время сидишь на кухне? Куда ты смотришь все время?

– Зачем мне зря выходить на улицу? Когда будет работа, тогда выйду.

– Так нельзя. – Михаил смотрит на наручные часы. – Остается не так много времени. Ты ведь собралась пойти в ванную или?..

– Да, я хотела побыть одна...

– Иди сейчас, а то не успеешь. Скоро нам нужно будет собираться.

– Я собрана. Ну?!

– Тогда поговорим. Что ты думаешь?

Он присел перед ней на корточки.

Она заговорила:

– Я предчувствую, что опять получится грязь.

– Да ладно тебе! Разве из людей выходит грязь? Это же не грязь!..

– Нет, везде грязь и все грязь. Зачем ты согласился на мужчину? Ты же знал, что я не могу работать с мужчинами! Ты не стал ждать женщину, а согласился на мужчину. – Она сжимала и разжимала «веером» пальцы с коротко остриженными ногтями. Встала, оглядевшись, заметила: – У нас не убрано. Все грязное. И беспорядок.

– Ты куда? – спросил Михаил.

– Я должна вымыться.

Он взял ее за руку, она отняла ее, трагически-жалобно пропев:

– Ах, оставьте меня!

В сумерки они оказались в назначенном месте. Фаина вышла из машины, Михаил остался за рулем и проследил, как она зашла в подъезд.

Он глянул на часы – время пошло.

Некоторое время Михаил смотрел на окно на третьем этаже. Когда оно распахнулось, он даже вздрогнул от неожиданности. В окне мелькнуло плечо Фаины. Кусок шторы. Потом – спина какого-то невысокого полного мужчины, и тоже пропала; больше Михаил ничего не мог рассмотреть и очень беспокоился.

В это время в комнате перекошенное от злобы лицо Фаины склоняется над человеком, лежащим под подоконником:

– Но ты меня все-таки довел, – с ненавистью произносит она, – и теперь я должна нюхать твою кровь! – Голос ее переходит в ужасный шепот. Мужчина, лежащий вверх белым лицом, загипнотизированно молчит, не отрывая от нее своего взгляда.

– Скотина! – вся кипя, сказала она и выстрелила.

После выстрела она повела себя очень странно – тут же отпрыгнула от тела насколько могла дальше, выказывая спортивные достижения. Зажала руками лицо, нос, ее стало колотить... В конце концов она не сдержалась и ее вырвало.

Бледная, с мокрыми губами, она села в машину, за рулем ее ждал очень нервный Михаил. Тут же тронулись.

– Ну что? – через некоторое время спросил он.

Она не отвечала, не отвечала, потом заговорила сама:

– Я так не хотела. Он меня еще сильнее разозлил. Никогда со мной такого еще не было. Я оскорбляла его словесно, но это не относилось к нему лично, – сообщила она потрясенно.

– Ты меня пугаешь, Фаня. Для чего ты с ними разговариваешь вообще? Это уже получается не просто заказ. – Помолчал. – Конечно, он не стал бы прыгать из окна никогда, ты зря надеялась. Мне даже дико, ты что, ему выдвинула два варианта: либо вывалиться из окна либо – что? Как все это выглядело, не могу себе представить! – начал было разглагольствовать он, но осекся, испугавшись своих слов. И, уже заискивающим тоном, добавил: – Мне, конечно, надо было продумать этот момент!

– Какой момент? – спросила она, тихо заводясь.

– Ну, маску тебе какую-нибудь придумать на лицо или респиратор, если тебе так плохо; но вообще странно... Как это ты так остро чувствуешь запах крови? – Муж каждый раз спохватывался и пытался смягчить упрек. – Ты же вроде говоришь, что и не внюхиваешься даже?

Она не отвечала.

– Ну, моя милая, не расстраивайся. – Он помолчал, проезжая светофор. – А, может, это у тебя признак какой-нибудь болезни? Знаешь, отвращение к мясу, например, у некоторых означает внутреннее заболевание, а у тебя отвращение к крови! То есть нет! Рвота от запаха крови, ведь не от вида же крови? Ты же любишь красные платья? Помнишь, я тебе подарил? – Не найдя отклика, муж вздохнул: – Ну что же делать? Надо тебе проветриться. Ведь у тебя раньше такого не было.

– Я не хотела, чтобы из него текла эта кровь, и поэтому – и только поэтому и не почему другому – всегда пытаюсь сделать дело бескровно. Даже от маленькой пулевой раны разит вонью. В крови вся грязь. Но он меня довел, он мне все нервы вымотал, обосрал всю комнату, и я нюхала. Он меня вывел из себя. Он не оставил мне надежды. – В голосе ее слышалось отчаяние.

– Не надо было с ним разговаривать. Ты напугала и его, и меня.

– Всегда так! А на самом деле это ты виноват! – сказала она.

– Я? Интересно, в чем же это я виноват?

– Я говорила, что не хочу больше работать с этими мужиками. С ними всегда грязь! Они не тонкие.

– Не изводи меня! Не ной, пожалуйста, Фаня.

– Ты не нюхал, а я нюхала!..

– Господи, что за странные упреки?..

– С мужчинами всегда не чисто, – перебивает Фаина. – И ты знаешь, что я не могу с ними ладить. С женщинами я лажу, а с мужчинами не могу! Всегда с ним кровь. Кровь! Кровь!

Она помолчала, опять заговорила:

– Никогда не встречала чистой крови. – Задумалась о чем-то, потом снова завелась: – Все равно одно и то же повторяется каждый раз! Я тебя о чем просила? Не бери заказ на мужчин, я не буду их нюхать, не буду, и нет – опять мужик! Ты всегда такой, думаешь только о себе. Я уже наизусть знаю, что ты сделаешь на ЭТИ деньги. – Она выдержала паузу. – купишь новую машину!

– Зачем машину? У нас уже есть эта машина.

Михаил так занервничал, что не справился с управлением машины, и на повороте они въехали в какую-то колдобину, – машина завалилась и уткнулась в столб. Все, как водится, произошло очень быстро. Тишина. Муж лежал на руле, усыпанный осколками. Причем весь в крови. Фаина, абсолютно невредимая, только глянула на него и сразу выскочила из машины, сражаясь с приступами рвоты. Пока ее тошнило, он пришел в себя, поднял голову, стал выбираться из машины, размазывая по лицу кровь. Когда он вышел, качаясь, Фаина предусмотрительно отбежала еще на несколько шагов в «безопасную» для себя зону. Он прокричал ей:

– Перевяжи меня, Фаня! – и сделал ей навстречу шаг.

– Не приближайся ко мне, не приближайся, а то меня сейчас вырвет опять!

Он остановился и, подумав, сел на землю. Она осталась стоять метрах в пяти от него. Помолчали под уличный шум. Встретились взглядами, и она, вздохнув, сообщила ему:

– Слушай, Миша, какая у тебя, оказывается, вонючая кровь!

Когда она возвращалась домой, было уже поздно. На лестнице Фаина встретила пожилую соседку с помойным ведром. Открывая ключом дверь и улыбаясь, Фаина поделилась с ней:

– Мы с мужем сегодня попали в автокатастрофу. – Соседка ахнула. – Мужа оставили в больнице, – довольным тоном продолжала она, чуть оживившись на этой фразе, – я тоже пострадала. Очень простудилась на аварии – так долго простояла на ветру у машины в одной только кофточке. – Она закашляла.

Соседка, заслушавшись, отпустила ручку своей двери, и та с душераздирающим скрипом отворилась. Фаина увидела внутренность ее квартиры: одинокая узкая постель в перспективе комнаты, коврик, картина на стене, яркая трехрожковая люстра, светившая над всем этим, и чистота.

На Фаину это отчего-то произвело сильное впечатление – она зачарованно смотрела мимо соседки внутрь ее покоев, будто лично для нее случилось откровение. Наконец, оторвала взгляд и как будто пьяным голосом спросила:

– А вы одна?

– Да, я живу одна...

– Как вам, наверно, хорошо!

– Отчего, отчего вы так решили? – пропела соседка польщенно.

– Так. Чисто. Нет совсем грязи. Чисто. Нравится мне. – Вздохнув и кивнув на прощание, она ушла к себе.

Утром, когда Фаина в счастливом одиночестве пила чай, сидя на своем любимом месте и глядя в окно, вдруг во входной двери повернули ключом. Это вызвало у нее мгновенную панику – за три секунды она была выбита из колеи. Вошел счастливо улыбающийся муж. Не успел он еще ничего сказать, как Фаина из кухни спросила его:

– Тебя что? Уже отпустили?!

– Да, – сказал Миша, но вид у него был таинственный.

– Так у тебя там ничего не успело срастись, – перейдя на повышенный тон, заметила ему жена, показывая себе на темя.

Муж потрогал марлю на голове с пятнышком крови, подумал, взял с полки какой-то одеколон и обильно побрызгал то место, где была кровь.

– Чтобы не воняло тебе, – сказал он послушно и, помявшись, все же вошел к ней на кухню. – А ты что такая... грустная?

Фаина, прищурившись, стала приглядываться к нему, не стала говорить запланированные дерзости, а спросила:

– А что ты такой весь таинственный? Что с тобой произошло? Ты где-то еще был?

– Я?... – невинно, как бы придуриваясь, переспросил ее Миша.

– Я знаю тебя наизусть, – сказала Фаина. – Ну?..

– Ты меня всегда раскусываешь! – с восторгом, но потом резко серьезнее произнес муж. – Я перед тем, как идти к тебе, уже где-то побывал! В общем, я всегда тебе пробалтывался сразу! Фаина, ты дождалась женщину.

– Да?... – только и произнесла Фаня.

Помолчали.

– Сколько ты ждала этого дня? А? – Так характерно для многих людей – не вовремя снижая пафос сцены, начал Миша.

– Три года, – ответила она. – Я ждала женщину три года.

А когда он стал считать деньги, а при этом Миша всегда открывал балкон, и от ветра денежные бумажки у него в руках шевелились, как живые, Фаина ушла в ванную.

Пересчитав, Михаил подошел к двери ванной и постучал:

– Фаня, хочешь посмотреть на деньги?

– Нет! – ответила она.

– ...а то я их прячу, – сказал муж.

– Отстань от меня! – закричала Фаина, бухнув о ванную что-то железное.

До аэропорта он провожал ее в такси. На коленях у нее подрагивал от езды букет цветов.

– Единственное, – говорила она, – не люблю куда-то уезжать.

– Да, ты как кошка, привыкаешь к месту, а не к человеку, – сказал Михаил.

– Дай сигарету, – она закурила. Спичку выбросила в опущенное окно.

Прощаясь у такси, повертев в руках букет, вернула его мужу.

– Жалко его. Завянет. Возьми домой.

– Фаина, скажи мне что-нибудь хорошее на прощание.

– Ну... – подумав, сказала Фаина, – пока.

В чужом городе она поселилась в самой скромной гостинице на окраине. Ближе к сумеркам Фаина вышла из гостиницы.

В кафе она поела, села у стеклянной стены, разглядывая прохожих.

Какая-то женщина под села к ней за столик, когда она уже допивала кофе. Женщина была пьяная.

Фаня, вставая и оставляя на столе деньги за ужин, зачем-то сказала ей:

– Какая вы жалкая!

– Да, я жалкая, – ответила быстро женщина, мотая головой. Фаине она была неинтересна.

На улице Фаина сначала пошла в одну сторону, потом, остановившись, застыв, вернулась и пошла в противоположную.

К нужному дому она подошла пешком. Дом был многоподъездный. В некоторых окнах уже горел свет. Она шла мимо длинного дома и видела, как в окнах первых этажей сидят и, глядя на улицу, чего-то ждут пожилые женщины.

Она зашла в нужный подъезд. Покрутилась и вдруг, с гневом что-то обнаружив, проговорила:

– Первый этаж?.. – Она еще раз посмотрела на номер квартиры. – Скотина, – сказала она тихо и вышла на улицу.

Окна не горели. Она прошла дальше, к помойкам, у которых работал мусоросборщик. Она спросила у водителя, когда тот выбрался из машины:

– Вы когда приезжаете по утрам?

– В пять завтра... – сказал тот покорно и прошел мимо.

Фаина ушла подальше от дома.

Вернулась она уже глубокой ночью. Было полнолуние. Фаина, подойдя к самому дому, заглянула в низкие незарешеченные окна.

Увидела, что это кухня. Свет горел в ванной комнате. Фаина быстро вошла в подъезд. Ключом открыла замок, довольно легкий и банальный, бесшумно вошла в квартиру. Закрyla дверь. В полной темноте прошла в коридор, прислушиваясь к шуму воды. Постояла так, держа руки в карманах. Вошла на кухню, подняла голову, высматривая стеклянный проем, соединяющий ванную и кухню. Пододвинув табуретку, встала на нее и заглянула в ванную. Быстро спустилась, быстро пошла в единственную комнату, прошла по ней, вдруг услышала стоны из ванной. Она замерла, слившись с темнотой. Вернулась на табуретку и некоторое время наблюдала через стекло за своей жертвой.

Потом спустилась, опять ее что-то повлекло в комнату. На ходу, не заметив, полкой сбила с тумбочки легкую прозрачную вазу, похожую на стеклянную колбу. Мелкие осколки усыпали, блистая, пол. Фаина спряталась под вешалку, где висели пальто, в коридоре.

Вода в ванной выключилась. Дверь со скрежетом отворилась, показалась мокрая голова женщины, испуганно осматривающейся по сторонам. Наконец, и сама она вышла, завернутая в простыню. Сначала, оставляя мокрые отпечатки ног, заглянула в кухню, потом пошла прямо на Фаину, не видя ее, но в ее сторону, и вдруг наступила на осколки. Женщина коротко вскрикнула, сделала шаг назад, схватилась за пораненную ногу, а Фаину, закутавшуюся в пальто, тут же начало мутить – запах крови долетел до нее за несколько мгновений, и начался ее обычный мучительный приступ.

Женщина, ступая теперь только на пятку, снова вернулась в ванную, включив воду, подставила ногу под кран.

Воспользовавшись этим, Фаина выскользнула из квартиры.

Потом Фаина некоторое время сидела на скамейке под фонарем, курила. Дошла до гостиницы пешком. Постель так и осталась нетронутой. Фаина за всю ночь даже не присела на нее.

Вымыв руки, она разложила что-то из своей сумочки перед зеркалом на столе и начала приготовления.

Специальный лейкопластырь, приклеив на висках, стянула на затылке так, что глаза ее получились раскосыми. Проверяя все это устройство на «прочность», страшно гримасничала лицом, мотала головой. С левой стороны лента отклеивается – она снова сделала из свежей ленты «подтяжку». Опять подергала мускулами лица. Надела парик из темных волос, закрывающий виски. Походила в нем по своему скромному номеру.

Затем опять села; сделала себе макияж, как боевую раскраску – ярко подкрасила черными стрелками глаза, обвела бордовой помадой узкие губы. Выбелила лицо. Долго разглядывала, изучая себя. Фаня стала похожа на идола: не на человека, а на воплощение чего-то... Из-за раскосых глаз, натянутой кожи лицо отчасти лишилось мимики. Маска.

Закончив с гримом, Фаина садится к окну, положив одну руку на подоконник, второй поднося сигарету ко рту. Так она всегда сидела дома. Так до самого рассвета.

Утром, выждав момент, когда с этажа отошла дежурная, она положила свои ключи ей на стол, быстро сбежала по лестнице, не воспользовавшись лифтом.

Фаина – у современного высотного дома. Она стоит сбоку от здания, выискивая взглядом какое-то определенное окно, потом внимательно оглядывает площадку под этим окном. Даже подходит ближе и прохаживается по ней – квадратные асфальтовые плиты.

Множество людей снует около здания. Фаина смотрит на часы. Подъезжают машины. Шумно. Яркое полуденное солнце. В одной из подъехавших машин она замечает женщину – та выходит из машины и, прихрамывая, зажав под мышкой папку, в сопровождении двух охранников идет ко входу.

Через некоторое время в здание входит и Фаина. В окошке она говорит:

– На мое имя заказан пропуск. Женский журнал, да-да!

Проходит сквозь контроль, охрану, железную рамку. Поднимается на нужный этаж.

В приемной с секретаршей сидит против света, иногда поглядывая в окно, из которого видно полгорода, – так это высоко.

Из приоткрытой двери до нее доносятся обрывки разговора между ее жертвой и какой-то посетительницей. Фаина прислушивается, потому что разговор очень странно близок ей. Чей-то плаксивый голос, принадлежащий, по-видимому, уже немолодой женщине, говорит:

– ...и я бы давно уже выбросилась из окна у себя дома, но как подумаю, как я ухну на землю к нам под окно во... что-нибудь, ведь у нас столько кустов, столько кустов, и вот как я себе это представляю!

Секретарша резко встает и закрывает дверь плотнее. Фаина пытается улыбнуться ей. Если бы она видела себя со стороны, как пугающе неестественна улыбка-гримаса на ее переделанном лице.

Секретарша отводит глаза.

Когда Фаина заходит в кабинет к жертве, та, опустив голову, разговаривает по телефону.

Когда та опустила трубку, Фаина, уже оказавшаяся у окна, мягко заметила ей:

– Одинокие женщины долго разговаривают по телефону.

Женщина вздрогнула, увидев перед собой лицо «журналистки», но быстро взяла себя в руки.

– Я из журнала для женщин. Мне было назначено, – официальным голосом пояснила Фаня, не отходя от окна. – Просто тема нашего следующего номера, где мы хотим поместить ваше интервью, будет посвящена... теме женского одиночества, не обижайтесь, – несколько нетипично сформулировала Фаня, входя в образ раскосой обрусевшей репортерши.

– Да, я одинокая, – женщина склонила голову набок, – но я думаю, любви нет. Садитесь, – добавила она, удивленно уставившись на Фаню.

– Нет, не могу, – чуть морщась и обмахиваясь от жары ладонью, доверительным голосом проговорила Фаня.

– А что такое? – спросила ее с любопытством жертва.

– Послушайте, вы ведь где-то недавно поранились? – морщась, спросила Фаня.

– Да. Откуда вы знаете? – холодно сказала жертва и вся выпрямилась.

– Я не переношу запаха крови, вот что. – Фаня закрыла рукой рот, потом открыла, чтобы набрать воздуха в легкие, продолжила: – Кровь... ее запах я чувствую... так сильно, что у меня даже начинается рвота! Простите, я не знала, что вы ранены... – Она стала задыхаться, все более поворачиваясь к окну. – Если бы я знала, я бы не пришла, о Боже!..

Жертва, вконец испуганная, что Фаину начнет рвать прямо у нее в кабинете, хромая, выскочила из-за стола, подбежала к окну и сама своими руками стала открывать его, наконец, распахнула, и Фаина высунулась в него чуть ли не по пояс, вдыхая свежий воздух сотого этажа. Через несколько мгновений она «вернулась» в комнату.

– Спасибо, – стараясь не улыбнуться, сказала Фаина, – как хорошо работать с женщинами, нежели с мужчинами. – Она сняла свою сумочку, достала блокнот, потом что-то острое, при этом продолжая разглагольствовать: – Мужчины не тонкие, а женщины тоньше. Интервью с женщинами мне удаются несравненно лучше... – Она осеклась и протянула жертве тонкий острый штырь, сделанный из пластмассы, сантиметров восемь длиной. – Видели такую ручку?

– Ручку? – спросила женщина, не дотрагиваясь до штыря, и уже готовая отойти от окна.

– А вы посмотрите, здесь просто ближе к свету, ручаюсь, никогда не видели... – обаятельно заубеждала Фаина и положила на подоконник эту свою вещичку, сама на полшага отодвигаясь.

– Ну, все это очень странно... – произнесла жертва, взяв в руки штырь. – И это ручка? – воскликнула она, наконец, сняв очки и нагнувшись над ним.

И в этот самый момент, когда она склонялась над штырем, острый конец которого был направлен прямо ей в лицо (а женщина была близорука и наклонилась почти вплотную к нему), Фаина с силой ударила ее по затылку так, что острие впилось той в лицо, и она закричала от боли.

С полсекунды Фаина рассматривала ее, кричащую, потом толкнула на окно и натренированным движением перекинула через подоконник в его же открытое окно. Когда в кабинете наступила тишина, Фаня как бы «ответила» ей:

– Да, ручка.

После женщины на подоконнике осталась только одна ее туфля.

Не зная, куда ее спрятать, Фаина кладет ее к себе в сумку, идет к двери. Схватившись за ручку, стоит некоторое время, приглатываясь, затем выходит и, развернувшись, на показ, специально для секретарши, говорит в пустоту кабинета:

– Вы убедили меня, что одиночество – это то, что мне нужно. – И уважительно тихо прикрывает дверь. Схватившись за левый висок, где натяжение лейкопластыря стало ослабевать и глаз заметно стал обрусевать, теряя раскосость, Фаина расхлябанной походкой вышла из кабинета.

Коридор был пуст. Она понеслась по нему, спустившись по лестнице на пару этажей, вбежала в один из туалетов, у зеркала сорвала парик, клейкие ленты у глаз.

Когда, уже переодетая и невесточная, Фаина вышла из здания, толпа стояла у того самого намеченного места падения, где на асфальтовых плитах лежало тело.

Он встретил ее в аэропорту с цветами.

– Это те самые? Не завяли?.. – спросила она, взяв букет.

Они сели в новую машину. Уже наступила ночь. Первое, что она спросила, когда они остались наедине и могли спокойно говорить:

– А ты, Михаил, знал, что у нее первый этаж?

Он молча вырливал и был как будто занят и не слышал, но потом кивнул и сказал:

– С первого этажа она вряд ли бы... как это... ликвидировалась бы, да?

– Да.

– Как ты вообще съездила? Что там?

– Их вообще никогда не умеют охранять, – ответила она и через паузу добавила: – Отдохнула. Походила по городу. Не торопилась.

– А я раз пошел в церковь. Ад есть, но в нем никого нет, – вдруг добавил Михаил, – женщины бывают раз в три года, что ты сейчас думаешь? Больше не будешь работать? Будешь ждать эту свою женщину?

– А зачем мне работать? Я не хочу работать. Мне нравится ждать.

– А деньги? Или? Это не твои мотивы? Или?..

– Я тебе не скажу о своих мотивах. У меня нет мотивов.

– Фаня, женщин и убивать даже как-то нехорошо. Или?.. Что ты думаешь?

Она молчала. Наконец:

– Дай закурить.

Он протянул ей свою примирительную сигарету. Она вдавила прикуриватель. Подождала, пока он сработает. Прикурила. Опустила боковое стекло и выбросила прикуриватель от новой Мишиной машины прямо в окно.

Михаил резко ударил по тормозам.

– Не поооо-оняял! – говорит он.

– Ой! – говорит Фаня. – Я спутала со спичкой!

Михаил быстро выходит из машины и начинает шарить вокруг, а Фаина задумчиво наблюдает за ним. Потом пересаживается за руль, дает задний ход и сбивает Михаила, потом, еще раз переехав его, глушит мотор, поставив машину так, что проезжающим мимо не видна лежащая фигура.

Выходит на шоссе. Склоняется над ним. Он лежит на боку, глаза у него открыты. Он старается как-то повернуться к ней, изменившимся хриплым голосом повторяет и повторяет:

– Что ты сделала? Что ты сделала? Что ты сделала?.. – Переводит дыхание.

– Мир в свою душу внесла, вот что я сделала, – сказала Фаня.

Он ничего не отвечает, а только тяжело дышит. Она заглядывает ему в лицо, рассматривает некоторое время, сидя на корточках. Потом полным сострадания голосом спрашивает:

– Скажи, страшно тебе?

Михаил смотрит на нее беспомощно, лицо его почти все в тени. Он тихо говорит:

– Вообще-то да... Страшно... Немного...

– Не бойся, это не страшно, это вообще не страшно, – говорит она ему и берет его за руку. И держит ее до тех пор, пока не замечает, что мужа ее, Михаила, больше нет, и она достигла, наконец, полного одиночества.

Возвратившись к себе на квартиру, она села в свое любимое кресло у окна. В сущности, любой вид из окна действовал на нее гипнотически.

О мужчине

новелла к фильму «два в одном»

Ночь. Под большим развесистым деревом стоят две девушки. Одна блондинка, другая брюнетка. Они возбужденно разговаривают, пока их не отвлекает шум ветра в ветках кроны. Обе они поднимают головы, и одна говорит другой:

– Слушай, наверно, это его душа отлетела. Как зашумело красиво!..

– Жалко его, – сказала другая. – Все-таки это был конец самого великого МУЖЧИНЫ на свете. По крайней мере, так говорили все его женщины. Они были самыми красивыми женщинами в городе, пока и он, и они не состарились. Моя мама мне признавалась, что у него был САМЫЙ член в мире!.. Да, мой папочка...

– ...и какой неожиданный финал! – вставила вторая, блондинка.

– Ну, прощай же! – сказала ей брюнетка после паузы.

– Да, пора! – И их ангельские лица затуманились.

А начиналась история с того дня, когда в квартиру «самого великого мужчины» внесли долгожданную, им же заказанную картину с обнаженной женщиной. Он давно расчистил и отвел ей место на стене. Теперь он мог сидеть за столом, смотреть в окно, что он больше всего любил, и плавно переводить взгляд на обнаженную. Звали его Андреем Андреевичем. Денег он скопил, огромная квартира, про его мужские победы ходили когда-то легенды, но теперь он жил один и страстно мечтал встретить «женщину своей жизни», как он сам определял.

Единственным его близким родственником была дочь, которая на свою беду жила в том же доме, что и он. Ее мать, всегда любившая его, на которой когда-то, давно-давно он не мог даже вспомнить, как давно, – Андрей Андреевич был женат, в этот год как-то незаметно для него умерла. Осталась дочь Маша.

В этот день, когда ему повесили картину, он позвонил ей.

– Что делаешь? – спросила Маша.

– Сажу пью чай, смотрю в окно, смотрю на нее, – сказал он загадочно.

– На кого? – переспросила дочь.

– На нее. Мне ее сегодня принесли. Она готова. Висит на стене. Вот сейчас смотрит на меня. С ней даже можно разговаривать. Она очень красивая. Не хочешь ли прийти посмотреть?

– Это твоя картина, что ли?

– Да.

Маша пришла к нему смотреть картину. Постояли. Маша закурила. Отец хлопнул ее по попе. Маша поспешила сесть на стул. Отец подошел к окну, вдруг оживился.

– Смотри, вот она опять идет!

– Кто идет? – не вставая, вежливо и холодно отозвалась Маша.

– Девушка! Девушка, выгуливающая собачку. Она здесь где-то недалеко живет. Скажи, Маша, ты не знакома с ней?

Маша подошла к окну, посмотрела.

– Нет, я ее не знаю.

– Жаль. Я давно уже заметил ее. Она как будто специально ходит медленно мимо моих окон. Нравится она тебе?

– Да она лицо отвернула, не могу понять. Но она слишком молодая...

– Да мне и нужна молодая! Хорошо бы сирота, с хорошим лицом, чтобы талия была, грудь, мыла бы полы... И вообще, была бы нормальной женщиной, – с особым значением сказал он последнюю фразу.

Надо заметить, что Андрею Андреевичу было лет шестьдесят, хоть и выглядел он поджаро. Он добавил, когда девушка скрылась за углом дома:

– Вообще, я еще не встретил женщину своей жизни. Но верю, что встречу. Встречу – и пойду с ней.

– Ты так хочешь?

– А что не бывает в жизни. – Отец прищурился на Машу. – Вот хочешь жить со мной?

– Ты уже спрашивал, – отходя от него, сказала Маша.

– Ты не ответила мне.

– Папа, но я же твоя дочь.

– Ну и что? Я же не воспитывал тебя. Я узнал тебя, когда ты была взрослая. И потом, Гете жил со своей дочерью.

– Нет, – сказала дочь. И ушла к себе. Отец остался один. Позже он позвонил ей.

– Что делаешь? – спросила она.

– Смотрю на картину, разговариваю с ней.

– И что?

– А она мне отвечает, – сказал отец. – Оказывается, с ней можно разговаривать.

Потом пошел дождь. Он сел у окна. Стал разглядывать проходящих мимо женщин. Он был страшно одинок. От тоски он пошел и налил себе рюмку водки, выпил залпом. Вдруг он увидел ту самую девушку с пуделем. От ветра с дождем она зашла в арку противоположного дома и стояла в ней, пережидая. Возбужденный Андрей Андреевич позвонил своей дочери.

– Беги скорее в арку напротив, – сказал он ей. – Там стоит она! Иди познакомься с ней, а я подожду тебя дома.

– Кто стоит? – стала оттягивать время Маша, подходя с телефоном к окну.

– Та девушка с собачкой! Может быть, это моя женщина, иди познакомься с ней и приведи ее ко мне.

– Прямо с собачкой?

– Как угодно!

– Но я не умею знакомиться с женщинами в подворотнях. Это что-то чисто мужское. Мне кажется, она даже испугается и заподозрит меня.

– А со мной она точно не пойдет, – критично отозвался про себя отец. – А так ты приведешь ее ко мне, она и привыкнет. – Глаза его горели.

Оба они стояли у окон, и каждый из своей квартирки смотрел на девушку в подворотне, на ее пуделя и спорили, кто пойдет с ней знакомиться – до тех пор, пока она не ушла.

– Я просто в бешенстве, – сказал отец. – Я совершенно один остаюсь в эту выходную ночь. И в этом виновата ты! Если ты меня сегодня с кем-нибудь не познакомишь, я обижусь на тебя до самой своей смерти, перепишу свое завещание в пользу библиотеки. Все, я жду тебя еще ровно час. Выбирай!

– А если я никого сегодня не найду? – робко и со страхом спросила Маша.

– Тогда приходи одна.

Он положил трубку. У Маши забилося сердце, все ее спокойные, мирные планы жизни были разломаны.

Отец в своей квартире выпил еще рюмку. Настроение его ухудшалось с каждой секундой. Одиноким, никому не нужный, он сидел в своей огромной квартире и смотрел на немую картину с обнаженной. Он стал опять звонить Маше.

Как только она услышала звонки, тут же выдернула телефонный шнур из розетки, чтобы не слышать этих пронзительных позывных. Подумав, выключила во всей квартире свет. Села в углу.

Ждать пришлось недолго. Отец пришел к ней сам. Сначала он просто позвонил в дверь. Потом закричал:

– Я знаю, что ты дома. Открой! – Маша стояла у самой двери, прислушиваясь. Отец стал колотиться к ней. Потом, устав, крикнул: – Если ты не откроешь, я поломаю тебе дверь. Как ты потом будешь без дверей?

Маша молчала. Потом она услышала странный звук – будто кто-то лил на ее дверь воду. Она замерла, догадываясь, на что это похоже: отец описал ее дверь. Закончив, он крикнул:

– Я пошел за топором. Приду через час, если ты сама не позвонишь.

Когда он ушел, она открыла дверь, увидела лужу и поспешила назад в квартиру, к телефону.

– Я приду через час с подругой, – сказала она ледяным тоном.

– О'кей, – сказал он строго.

Через час Маша пришла с подругой, высокой блондинкой Алисой. По его взгляду она поняла, как он восхищен. Он умел ценить, чувствовать и разбирался в женской красоте – как мало кто другой.

– А я вам приготовил подарок, – сказал он. Ввел девушек в комнату. Во всех вазах стояли красные розы. Они стояли на полу, на всех поверхностях, начиная со стола и кончая подоконниками. Это было очень красиво, но и что-то зловещее, похоронное. На всех окнах стояли железные решетки.

– Уже вечер, – сказал он и закрыл все ставни на специальные железные замки.

Маша спросила:

– Зачем тебе эти решетки?

– Чтобы никто не влез и не выпал.

Девушки сели за красиво сервированный стол с белой скатертью. Выпили шампанского из высоких бокалов. Вдруг Андрей Андреевич спросил:

– А ты предупредила, что останешься на ночь, – и никаких мам!

– Что такое «никаких мам»? – спросила Алиса.

– Это значит: «Мне надо к маме, меня ждет мама!» – а на самом деле стоит и ждет какой-нибудь мужик. И не надо меня обманывать, – сурово сказал Андрей Андреевич, задавая зловещий и одновременно интригующий тон встрече.

– Ага, – сказала Алиса.

– И звонить я тоже никому не дам. Все. Телефон отключен. Аппарат я спрятал, – добавил он уже весело. То, к чему он так стремился, было достигнуто. – Две красавицы сидят передо мной.

– Я лично не считаю себя красавицей, – кокетливо, но уже не таким уверенным тоном сказала Алиса. Она явно притихла и призывно смотрела в сторону Маши.

– Андрей Андреевич, мой папа, мне уже однажды сломал двери топором, а меня тогда действительно не было дома, – сказала Маша.

– Ну извини, извини, – сказал он. – Ты тогда уезжала к какому-то мужику. Но заметь, я, а не он поставил тебе новые двери.

– Так ты же их и поломал, – тихо отозвалась Маша.

– Так ведь он с тобой спал, а не я тогда, – сказал он убедительно.

– Ладно, давайте выпьем, – сказала Алиса.

– Вот хорошая девушка какая, – похвалил ее Андрей Андреевич.

Они выпили.

– Зря вы так сильно накрасили губы. Без краски гораздо красивей, – начал Андрей Андреевич, сильно прищуриваясь на Алису, держа у правого глаза сигарету. Он неожиданно протянул левую руку с белоснежной салфеткой и вытер девушке губы. Она была растеряна.

– Хотите пофотографироваться? – спросил он.

– Все девушки хотят пофотографироваться, – сказала Маша. Он вышел за фотоаппаратом.

– Боже! Какой ужас! – только и сказала Алиса, как он вернулся с поляроидом.

– Что ты сказала, моя красавица? – ласково пропел он и щелкнул фотовспышкой.

Девушки вздрогнули от неожиданности. Лица на фото вышли неважно, главное – перепуганные. Он попытался порвать фотографию, но она не рвалась. Он отшвырнул ее. Тогда девушки подобрали и посмотрели, что вышло.

– Какие страшные, – сказала Алиса.

– Какие есть, – сказал Андрей Андреевич, о чем-то задумавшись. – Небось хотите посмотреть, что там по этому телевизору показывают?

– Нет, нет, – быстро ответила Маша.

– И ваших ***дских газет я тоже не читаю, – добавил он агрессивно.

Девушки молчали.

– Может быть, выпьем? – опять предложила Алиса. Маша молчала и как-то героически курила.

Выпили.

– Как это ты при папе не стесняешься курить? – начала уже полутрезвая Алиса. – И вы ей не запрещаете?

На вопрос никто не ответил.

– Вот что, – сказал папа, – будем фотографироваться, но не в таком виде. Ваш вид меня не устраивает.

– Я голая фотографироваться не буду, – поспешно ответила Маша.

– Как с вами скучно. А так на вас пленку тратить жалко.

– А что вы такой жадный? – сказала ему Алиса. – Надо скрывать эту черту характера, если она так присутствует.

– Нет, я не жадный, но когда жадничают по отношению ко мне, мне тоже неинтересно.

– Ну ни фиги себе! – ответила Алиса в восхищении от Андрея Андреевича. – Ну у вас и ответики! Надо придумать для вас побольше вопросов.

– Валяй, – согласился он, добрея.

В таком духе они проговорили до полуночи.

Они обсудили много тем: что такое для каждого значат любовь, красота, даже затронули смысл жизни, вопросы литературы, музыки и живописи. Андрей Андреевич поставил на полную громкость несколько дисков своих любимых композиторов, но среди классики девушкам пришлось три раза подряд прослушать песню семидесятых годов «Красная стрела» в исполнении Софии Ротару. Это было тяжелое испытание, но Андрею Андреевичу нравилась одна фраза из припева. После третьего раза путем мимики и жестов, до того орала музыка, что нельзя было услышать друг друга, Алиса попросила остановить. Маша перечить боялась – у нее уже был кое-какой опыт, которого не имела ее подруга. Когда Андрей Андреевич понял, что Алисе не нравится, он с размаху разбил пластинку об пол вдребезги.

– Что-то в этом есть... – задумчиво проговорила тогда Алиса.

Потом он провел, как сам выразился, тест, нравится ли девушкам его «Обнаженная» на картине. В завершение повел их в дальнюю, почти тайную комнату, где у него стояла ОНА! Кровать для женщины его жизни, которую он скоро встретит и на которой он будет ее ласкать!

Девушки были потрясены. Под балдахином лежала большая перина, похожая размером на целый плацдарм. Но поражало другое – вся она была обтянута черным-пречерным бархатом.

– Почему она такая черная, эта ваша кровать? – спросила Алиса.

Андрей Андреевич выключил свет, зажег три свечи в старом подсвечнике и занес его над постелью.

– И представляете, – сказал он торжественно пропитым голосом, – если сюда положить красавицу со сверкающей белоснежной кожей?!!

Все помолчали, а ушли с почтением. Как раз стрелки часов приближались к часу ночи, когда девушки вышли вдвоем в туалет, а вернувшись, объявили, что им пора уходить.

Андрей Андреевич сразу помрачнел, как туча. Стал страшен. Лицо его сморщилось и резко постарело, выдавая возраст.

– Значит, так, – сказал он, – вы не выйдете отсюда до тех пор, пока я не кончу.

– Как это «не кончу»? – в своем стиле спрашивала Алиса.

– А так! – враждебно огрызнулся Андрей Андреевич. И замолчал.

– А! Вы имеете в виду секс, – сказала Алиса. Обе рассматривали его лицо. Он опять курил.

– Но если мне совсем не хочется, – сказала Алиса. – Я совсем не расположена...

Он встал, вынул с полки кассету.

– Порнографию будешь смотреть? – спросил он.

– Для чего?

– Для подготовки. Я тебя понимаю. – Он всунул кассету. Появилось изображение.

– Но я, например, голодна! – сказала Алиса, отвернувшись от экрана.

Он остервенело выключил телевизор. Открыл холодильник, достал трехлитровую банку с икрой.

– Сейчас я вас попитаю, – сказал он, сверкая глазами. Стали с обреченностью есть икру.

Он пристально наблюдал, когда девушки наедаются.

– А вы? – интеллигентно спросила Алиса.

– А я не хочу есть, – ответил он.

– Вы очень целеустремленный, – заговорила Алиса. – Давно у вас не было женщины? – как доктор поинтересовалась она, разжевывая бутерброд.

– Давно. О***тельно давно! – ответил Андрей Андреевич, прямо как ребенок.

Маша упорно молчала.

– А вот как же вы будете с Машей, например, спать? Она же ваша дочка! – не унималась Алиса. Она намазала себе новый бутерброд.

– А мне наплевать. Вы сами разберитесь, с кем мне спать. Если тебе жалко Машу, пойдешь одна.

– Ага, – сказала Алиса, – ну вы и крутой!

– Да, я крутой. Не люблю этих ваших словечек.

– Ну вы крутой...

– Ну что, поели?

– А если мы откажемся? – переглядываясь с Машей, спросила Алиса.

– Тогда вы отсюда не выйдете.

– А как это?

– А так.

– Вы очень немногословны.

– Да, я такой.

Алиса отложила бутерброд.

– Ешь, ешь. Я никуда не тороплюсь, например, – сказал Андрей Андреевич.

Вдруг девушки вскочили и рванули в коридор. Он не погнался за ними, сидел себе спокойненько. Те подергали двери, замки все были заперты. Тогда они скрылись в одной из комнат и защелкнулись на щеколду.

– И что это такое? И это он самый потрясающий мужчина в мире? – сказала Алиса.

– Он тебе не нравится? Совсем-совсем? Все женщины влюблялись в него. Он же не любил никого. Теперь он остался совсем один.

– А если он никогда не кончит? – нагнетала Алиса. Маша пожала плечами:

– Он на самом деле нас не выпустит.

Андрей Андреевич стоял в это время босиком у самых дверей и подслушивал. Наконец ему надоело, он громко забасил:

– Дверь тонкая. Я могу ее быстро высадить. Давайте – решайте.

Дверь открыла Алиса.

– Тогда идите помойтесь, – сказала она.

– А я чистый, – парировал он.

– Откуда я знаю... Идите помойтесь.

– Ну ладно... Могу и помыться. Тогда идем, я покажу тебе, где и как лечь.

Теперь уже вдвоем они подошли к парадной бархатной кровати. Свечи сгорели ровно наполовину.

– Раздевайся, – сказал он.

Она прилегла не раздеваясь. Он наклонился над ней.

– А вдруг вы никогда не кончите? – сказала она ему, проведя пальцем по щеке.

– Ну, ты должна постараться, – ответил он кротко.

– А как это «постараться», как это?

В это время Маша шарила у него по карманам, по всем курткам в коридоре, открывала все ящики и шкафчики – она искала ключи.

– Ты не будешь никуда выходить, а ноги твои будут приучены лежать у меня на плечах, – говорил он Алисе.

– Но ведь это же больно, все время держать ноги задранными, – возмутилась она.

– Да, я не подумал. Надо разработать эти мышцы, чтобы они у тебя не тянулись.

– Так что же, они у меня будут болтаться, когда я буду ходить в естественном положении?

– Ты не будешь ходить. Ты будешь все время лежать на этой кровати и держать ноги у меня на плечах – вот это будет самое твое естественное положение... – пояснил Андрей Андреевич Алисе ее перспективы.

– Ладно, – сказала она ему в конце концов, – идите мойтесь, я чувствую от вас запах...

Когда он ушел в ванную, подружки встретились в коридоре.

– Ну что? Нашла ключи?

– Наверное, с собой носит. Он не дурак. Ну что было? Не бил?

– А что, он будет бить? – спросила Алиса.

– Однажды мы его отгаскивали от одной... из его жен... Он сидел на ней верхом, весь одетый, она была вся раздета, – с тоской вспоминала Маша.

– Он положил меня на эту черную кровать и рассказал, как все будет. Вообще, интересно. И еще, мне кажется, он не кончит. Интуиция...

Они подошли к ванной, приоткрыли дверь.

– И еще... Я должна тебя предупредить... Однажды он гнался за одной женщиной с ножом... Порезал, исколол всю дверь!

– Это была ты? – прищурилась Алиса.

– Как я его ненавижу, – сказала Маша. Они опять приоткрыли дверь, подглядывая.

Еще о чем-то шептались, наблюдая за тем, как он залег в ванну и оттуда торчала лишь его голова, а когда он почти целиком погрузился, они ворвались туда вдвоем и, схватив за голову, окунули и держали под водой. Не отпускали долго. При этом Маша приговаривала:

– Отовсюду он всегда выходил сухим из воды, ничего его не брало, всегда выживал...

Потом вынули из брюк ключи. Открыли дверь, похватав пальто, выскочили на улицу.

...И остановились во дворе под деревом с огромной кроной. Звезды сверкали в небе, близился рассвет, мимо проходили праздные компании или одинокие прохожие.

– Он так ждал женщину своей жизни, – сказала Маша. – Так получается, что ею стала ты.

– Прощай же...

– Да, пора... – наговорившись, сказала одна другой. Поцеловались на прощание, даже пожали друг другу руки с легкими слезинками на глазах.

Они сделали только полшага друг от друга, как из подъезда дома прямо на них выбежал невинный Андрей Андреевич в черном развевающемся кимоно на голое тело. Обе застыли – глядя, как он неотвратно приближается к ним, на его атласное одеяние с красными пузатыми драконами на груди.

Когда он приблизился к ним, Алиса спросила его:

– Зачем вы надели этот черный халат? Вы очень сегодня напились...

– Хочу быть как дьявол! – ответил он и достал длинный нож. Девушки завизжали и бросились в разные стороны, но Андрей Андреевич знал, за кем ему гнаться: он выбрал Алису. Подняв в зажатой руке нож, он бежал за ней по узкой улочке, потом вырулил на улицу побольше, но тоже глухую, то нагоняя, то отставая... Алиса бежала от него то молча, то с чудовищными подвываниями.

Наконец он выбился из сил и затерялся в темноте.

Через два часа Маша, дрожащая и кроткая, сидела у него на кухне. Андрей Андреевич держал в руке телефонную трубку. Лицо его было трепетное и сурово-протрезвленное. Он сказал:

– Так рождается любовь. Диктуй.

– 222–15–55.

Он набрал номер телефона.

– Алиска? Это я, – сказал он.

– Я вас узнала, – проговорила Алиса на том конце.

– Я слушаю тебя, – сказал он.

– Я вас тоже слушаю, – сказала она.

– Нет, это я тебя слушаю.

– Так это же вы мне звоните, а не я вам. Значит, я вас слушаю.

Помолчали.

– Эй! – позвала она в трубку. – Вы не обижаетесь? – спросила она. – Я почему спрашиваю, потому что я все-таки немного обижаюсь на вас...

– А я люблю тебя. Пожалуй, что так, – ответил он. Кхекнул.

– Да???????? (Пауза.)

– Алиса! Я скучаю. Я начинаю ждать тебя прямо с этой секунды.

Она молчала.

Тогда Андрей Андреевич прокашлялся и сказал:

– Черная постель ждет тебя!

Две, кому-то нужные **новелла к фильму «вокальные параллели»**

– Ну, где ты была, сучка? – так встретила она вошедшую Певицу. Но это был не грубый тон, а снисходительно-ласковый.

Ре, подруга Певицы, сидела за столом, на котором стояли рюмки и бутылка. Она курила папиросу.

– Где была, сучка, где была? – повторила нежно. – Я же учила, это правило, никогда не опаздывай больше часа, тем более к тому, кто тебе нужен... пока. – Певица села рядом за стол.

– Я и так одинока, меня обозвали тут на улице, собака погналась, пыталась укусить, погода ужасная, жара такая, жара, я прихожу, и ты вместо поддержки в этом краю, в этой местности меня обзываешь, – ответила Певица.

Ре несильно ударила ее по щеке.

– Твоя щека в отличие от моей на сколько лет моложе?.. Мне-то уже пятьдесят... – сказала Ре.

Певица встала, отошла к окну. На окне стояла ваза с цветами. Певица сказала:

– Меня пугает, когда я прихожу, а цветы в вазе выпили наполовину воду. Они что-то делают без меня. Это пугает.

– Не смотри в окно на дорогу. Не смотри на дорогу, потому что там лежат сбитые собаки и кошки, – посоветовала ей Ре. Певица отошла от окна. – Рассматривание мертвого старит. Я всегда отворачиваюсь.

– Ну, учи, учи меня дальше, что не делать, – сказала Певица уважительно, смачивая носовой платок одеколоном и натирая им виски.

– Брови надо до тонких ниток выщипывать, моды же нет, только такая, которую я тебе внушу. На красную помаду блеск точкой посередине... – задумалась, как в чад, выпила из фужера горячительное. Опять заговорила, как вспомнила: – Железное правило, никогда, ни при каких условиях не подходить к телефону, когда он звонит понапрасну.

– Здесь же нет телефона.

– Я диктую тебе правила на всю жизнь, а не на этот жалкий отрезок времени. Я не желаю быть все время с тобой. Кто при ком: ты при мне или я при тебе? Через некоторое время ты останешься одна и я останусь одна. Возможно, ты будешь жить там, где есть телефон, и будешь бежать на каждый его сигнал, как сумасшедшая. Да ты такая сучка, что я тебе объясняю! Не вдумывайся в мои слова, просто запоминай, запоминай или запиши. И волосы должны быть всегда чистыми.

– А мода не брить подмышки? – спросила Певица.

– Это может возбуждать... но это негигиенично при такой жаре. Женщина в доме должна ценить настольные лампы, которые приглушают освещение, и железную входную дверь. Лишний не должен проникать через нее, – ответила Ре.

– Да ты ребенок в сущности, хоть и пьешь, хоть и пятьдесят, – сказала Певица.

– Ненавидеть меня легче, чем любить, – вздохнула Ре. – А, да! Еще правило – надо посещать могилы своих. Ты посещаешь могилу своего отца?

– Не посещаю. У меня денег нет поставить ему памятник, а без памятника я и не найду ее. Там просто холм. – Певица ушащенно задышала.

– Желательно уметь стрелять в нашем теперешнем положении...

– Совсем не умею.

Ре встала, подошла к стене, пощупала, оторвав кусочек обоев.

– Плохие стены здесь.

– Плохие? Почему плохие?

– Не впитывают пули, – сказала Ре. – Есть хорошие стены, если пуля в них попадает, то так там и остается, а есть вот такие плохие, как здесь. Они не впитывают пулю. И если здесь вдруг выстрелить, то пуля, ударившись о стену, не впитается, а будет отражаться и летать по комнате от стены к стене, пока кто-то из живых не поймает эту пулю телом.

– Поймать пулю телом? Такая фраза, как в песне... – Певица тоже поковыряла пальцем в стене.

– Где пистолет? – спросила Ре.

Певица показала пальцем в сторону шкафа.

– На шкаф, – прошептала.

Ре подошла к шкафу. Достала мешочек, вынула из него пистолет, проверила обойму, положила на стол. Налила себе еще выпить.

– Почему ты мне не предлагаешь? – спросила обиженно Певица.

– И скучно с тобой, и отпускать не хочется, – сказала Ре и выпила. – Ты из тех, кому пить не впрок.

– Тебе впрок?

– Зачем ты меня сбиваешь? С тобой так скучно, дай мне вдохновение быть рядом с тобой... хоть так. У меня болит сердце, как будто оно не одно, а их много во мне, груды целая. Такая тяжесть... – Она задумалась. – Ты просишь, чтоб я тоже тебе налила?

– Да, – сказала Певица.

– Тогда я тоже попрошу. Я хочу потушить о твою руку сигарету. Во мне иногда такая ненависть, такой протест. С какой стати я должна учить тебя и пить с тобой?

Ре улыбнулась:

– Сколько раз об тебя гасили сигарету? А?

– Мне даже интересно, сделаешь или не сделаешь? – сказала Певица, не пряча белую руку.

Ре ткнула в нее окурком. Ненависть промелькнула на ее лице, потом опять выражение вернулось в маску. Певица чуть вскрикнула, отдернув руку с красным прижженным пятном.

Ре продолжала:

– Не пой на похороны. Не спи с мужчинами каждый день. Отказывай. Береги себя. Пусть сбегает куда-нибудь и пользуются другими. Главное, не страдай, не страдай. Не дорожи его желаниями, думай о своем здоровье.

Они помолчали.

– А что ты сама думаешь, какие недочеты в себе констатируешь?

– Я? – спросила Певица. – Мне кажется, все портит мой нос и коленки – вот тут широко. Надо сделать пластическую операцию. Но нет денег. Нет денег на операцию.

– Дать тебе денег?

Певица покраснела, стала бурно отказываться:

– Нет, что ты, нет!..

– Какое это у тебя хорошее качество – отказываться от денег. Это бывает так редко, у молодых еще. Старые не отказываются от денег. А тебе неудобно. Что в тебе хорошего, ты еще чувствуешь боль, а я нет. Вот, смотри. – Ре взяла нож со стола и воткнула себе в руку. Вынула, зажала рану платком. – Вот видишь, мне так больно внутри, – она прижала руку к сердцу, – что я уже не чувствую боль снаружи. Ах, испачкала скатерть!..

Певица вскочила, побежала за бинтом, принесла. Ре уже плеснула из фужера алкоголь себе на руку, стала заматывать ее платком.

– Темнеет уже... – сказала мрачно. – Завтра рано вставать. Ты книги читаешь перед сном?

– Стихи, – сказала Певица.

– Я всегда читаю одну и ту же книжку много-много лет, и ту кто-то покрал у меня недавно, сволочь какая-то!.. Думаю одни и те же слова, которые всегда складываются в одну и ту же предрешенную фразу.

– Какую?

– Не могу сказать. Я не в себе. Мне все хуже и хуже. Я все к тому, что мне не становится лучше. Вообще, лучше никогда не бывает, почти никогда. Но я знаю, что мне делать, у меня есть цели, я знаю выход! Но мне не хочется этого делать. Мне как будто бы не хочется идти умирать дальше.

– И мне, и мне! И мне нужно определить мой смысл жизни, ты мне поможешь? – спросила Певица.

– Ну-ка встань, покажись, как тебе в новом платье, – попросила ее Ре.

Певица встала, прошла, спела несколько куплетов.

– Все, все, не надо больше, без моих приглашений не пой! – прервала ее Ре. – А я теперь люблю читать вкладыши, инструкции к снотворным, прежде чем их принять. Такое удовольствие.

Певица вышла в туалет, вернулась. Ре спросила ее строго:

– Тебя рвет в туалете? Ты так пытаешься не потолстеть?

Певица молчала.

– Ты плохо смываешь воду, и туда теперь ходят тараканы, их так много, когда включаешь свет, они толпами едят!

– Мне еще надо похудеть килограммов на пять, – сказала Певица.

Ре закурила, выпила.

– Не пей так помногу. Пей чуть-чуть, мне жалко тебя, – пропела Певица.

– Почему у меня все всегда из последних сил? – отозвалась Ре. – Чтобы нравиться, надо быть легкой, легкой... Ты умеешь питаться мужчинами?

– Нет.

– Надо научиться. Вот сидишь рядом с ним, надо пробудить в нем сильную реакцию и проглотить ее, когда он реагирует. Это очень омолаживает.

– Мужчина разве не истрачивается?

– Не жалей. Или питайся и женщинами тоже. Это не хуже.

– Как мне завтра одеться?

– Возьмешь мои камелии, наденешь, как ордена, в ряд несколько штук. Кольца переодень. Кольца надо носить только на указательных пальцах. Какие у тебя зубы, сядь, покажи мне.

Певица села ближе, открыла рот.

– У тебя такой большой рот, а ты не можешь его толком открыть, – сказала Ре.

– Ты говоришь как моя мама. Она стоматолог.

Ре засмеялась.

– Еще она любит повторять, у тебя плохой тургор. Тургор – это натяжение, дряблость кожи, – пояснила Певица. Она отхлебнула из бокала подруги. – Можно?

– Мы никому тут не нужны, – сказала Ре. – Нам нужно сделать, чтобы мы стали кому-то нужны.

– А зачем? – спросила Певица.

– Две, никому не нужные, даже себе.

– Я тут хожу с ключами на шее, как коза, позвякиваю, – сказала Ре, вынув из выреза нацепленные на цепочку ключи. – От всех моих дверей и шкафчиков... Что у нас из еды есть?

Певица пошла к шкафчику.

– Только шампанское.

– Неси его сюда, – сказала Ре.

– Почему ты не отвечаешь никогда на мои вопросы?

– И ты можешь не отвечать. Я все равно их не понимаю. И еще говори мне, пожалуйста, спасибо, спасибо, что ты ответила на мой вопрос.

Ре очень ловко открыла бутылку с шампанским. Выпили, чокнувшись.

– Итак, пистолет, – сказала Ре. Вынула обойму, показала, как вставить. Поставила на предохранитель, сняла с предохранителя, прицелилась. Встала, открыла окно. – Куда бы попасть? Куда бы попасть? – спрашивала она, водя стволом. В сумерках шел дождь. – Хотя один раз, но ты должна выстрелить, – размышляла Ре.

– Выстрелите в меня, – вдруг сказал снизу человеческий голос. Подруги присмотрелись.

– Этот человек убивает двор, – сказала Певица.

– Только не насмерть, – крикнул голос, – вы же все равно промахнетесь!

Ре с силой захлопнула окно. Руки и пистолет были мокрыми от дождя.

– Какие бессмысленные люди ходят под окнами, – сказала она. – Совсем меня не боятся. – Ее заметно шатнуло.

– Я тебя боюсь, – сказала Певица.

Ре постояла, держась за сердце.

– Нет, не упала, – наконец сказала она. – Доведи меня до стула, – попросила Ре. Певица поддержала ее за худой локоть, оттопыренный от тела, как согнутая косточка.

– Я знаю, КТО ЧТО знает, бессмысленны ли люди или нет, – посидев, вдруг сказала Ре. – Это случай. И это даже проверяется. Если в нас, например, есть дальнейший смысл для проживания... Если мы для чего-то нужны судьбе, вот такие две, то мы будем сохранены... Значит, мы для чего-то заготовлены. В нас есть нужда.

– А как проверить?

– Вот так. – Ре взяла пистолет, прицелилась в то место на стене, где был оторван кусок обоев, стала стрелять в него. Пули, ударившись о стену, рикошетили веером в разные стороны, потом отражались от противоположных стен, потом еще и еще раз, пока секунд за тридцать со свистом они по очереди или вылетели в окно, разбив стекло, или впились в деревянный шкафчик. Обойма была выпущена вся. Певица страшно кричала сквозь выстрелы.

Ни одна пуля не попала в подруг. Стало тихо. Ре будто отрезвела и повеселела.

– Мы еще нужны, – перестав кричать, вдруг сказала Певица значительно и растроганно прижалась к плечу Ре.

– Это не в последний раз, – сказала Ре. – Позже я буду еще проверять.

Так посидели некоторое время.

– А мы не поговорим о любви? – ненасытно спросила Певица.

– Нет, мы не поговорим о любви. Завтра поговорим о деньгах от мужчин и о драгоценностях. И надо бы завтра достать пивок, дюжины две... Пора спать. Уже светает. Хотя я вряд ли выплусь, я цокаю тебе всю ночь, как же ты храпишь, сучка!..

Разговор этот проходил в большой комнате, где стояла и кровать тоже. Разбитые часы показывали почти четыре часа ночи. Стол был усыпан окурками и пеплом. Нож блестел под лампой, наполовину испачканный мутной кровью. Так был истрачен еще один день из жизни подруг.

Обладать и принадлежать *разговоры, подробное описание многих дней, хроники,* *дневники, попытки, последние прощальные сцены* **к фильму «страна глухих»**

*Посвящается Фаине, попавшей в рай за то, что умела так сильно
любить до самой смерти своего Михаила*

Глава: Вступительная

Когда они жили вместе, суп сгнивал – она не ела без него полезное. Как «в свет» она выходила в кафе на первом этаже, где пила кофе с бутербродом, пока не убили бармена вылетающими шилами из ножа. Несколько посетителей побежали за двумя молодыми убийцами, но не догнали. Кофе вреден для сердец.

Ночью она не спала и смотрела в окошко, оттого всегда и простужалась, потому что дуло из щелей. Отсыпалась днем, а днем: все, как грязь – звонки, кожа, город, если выглянуть, вся пыль видна на поверхностях. Жить можно было только ночью. Своей одежды у нее было мало, она разряжалась в старые платья, найденные в Алешиных сундуках, и так выходила подышать воздухом. Платья «охраняли» ее – никто не приближался, а только шарахались, а она все надеялась в любом прохожем вдруг встретить Алешу. Только один раз встретила. Он куда-то торопился, а она стояла на перекрестке через дорогу, и ему пришлось зайти домой, так он был тактичен. Он выпил чай тогда, съел тарелку супа, часа два пролежал в ванне, там заснул, проснулся, потому что потекла вода, и Рита спугнула его вскриком и жалко подтирала, что его отвращало. Оделся во все чистое и уехал в город Туву с пачкой чьих-то паспортов, которые она связывала ниткой на зеленом кухонном столе, а он курил, поднося сигарету к глазу белой распаренной рукой. И молчал. Как долго его потом искали. След его оборвался, когда он сел на автобус в сторону зверохозяйства, где разводили и убивали соболей. Потом он вернулся с новым товарищем, который оказался тоже из Москвы. Молодой мужчина был в сандалиях на босу ногу, с глазами так сильно навывкат, что она даже один раз не удержалась и попыталась эти глаза ему «заправить» вовнутрь лица, надавив сильно на фиолетовое веко, тот закричал:

– Больно же! – И выдрал свое такое необычное лицо из ее рук.

– Что же делать – я же хочу, чтобы вы покрасивели, и нос у вас очень кудрявый, и эти усы сбрейте! – отвечала она.

Со шкурками ничего не вышло у тувинцев, «такой народ!..», – повторял Алеша весело. Несколько паспортов у них во время драки потерялось. Ведь Алешу очень сильно, как всегда, побили, а товарищ в сандалиях спасся, только плащ ему порвали. Ночью, когда не пострадавший урод уснул, Рита дорвала ему плащ на мелкие несшиваемые кусочки, не пользуясь никакими ножами и ножницами, а только руками, хотя и было его жалко, и знала, что он беден и есть жена с несколькими детьми, но Рита была возмущена, что тот бросил в беде ее возлюбленного и спрятался за сарай, едва ему надорвали рукав! А Алеше сделали сотрясение мозга, и он еще долго ходил с поджелтенным лицом и нацеплял страшные зеркальные очки даже ночью для конспирации побоев. Но при всех обстоятельствах он оставался красив и женщинами любим – такова была его порода, «очень породистая», как говорила Рита: никогда не толстел, не покрывался прыщами и нарывами, мог много выпить, пьянея в крайних случаях, не загорал, был пребел кожей, с прямой спиной, с закинутой гордо головой. Если с ним кто долго

разговаривал, он все закидывался и закидывался назад головой, и не падал, и это принималось не за гонор, а за статью, которую уж не вытравишь ничем. Ни рукоприкладством. Он никогда не кричал ни на кого, говорил тихо, даже занудисто: до того ровно и без нервов. Красивые руки, тонкая талия, широкие плечи, густые волосы, откинута с белого лба и образующие природный хохолок, который все остальные люди на земле могли бы сделать только при помощи бигудей и всяких стараний... По ночам, отогнув одеяло, она целовала его в колени. И сидела рядом на стуле, зажав его меховые стельки из промокших ботинок, чтобы потом положить их сушиться на трубу, и рассматривала его красоту. Потом шла готовить домашнюю лапшу, раскатывая и разрезая желтые пластины по всем правилам из кулинарных книг – невыносимо долго, до самого рассвета.

Из-за влажного, как тропического, климата в кухне селились породы тараканов: больших летающих, белых пугливых – и орды классических, которые плотными рядами спали под картинами на стенах.

Одна Ритина подруга, приехавшая из Одессы, сначала рассказала о том, как по утрам специально стоит на балконе ради работы, чтобы была хорошая погода – разгоняет тучи над городом. А ее уволили. Она осталась без денег, начала нелечебно голодать и питаться кислыми яблоками, потому что они самые дешевые. Потом она ходила учиться успокаиваться и само-оздоравливаться, и ей начались по ночам звонки, не человеческий, а электрический мужской тембр говорил ей всегда одно и то же:

– I love you. (Я люблю тебя.) – Связь обрывалась, и гостя из Одессы понимала, что некая сила любит ее и дает понять: «Ты не брошена, ты под нашим контролем». А когда Рита попыталась встрять в ее рассказ и похвалилась новыми туфлями, которыми так гордилась, как Акакий Акакиевич, – и на каблуках и так дешево, – подруга вдруг уловила боковым взглядом ползущего по стене таракана и сначала ухватила его двумя длинными пальцами: указательным и большим, а потом и раздавила. Рита смолчала, ведь гостя издалека и все творит от горя. Хотя сама она никогда их не убивала, даже любила их шорохи и шевеления, особенно когда оставалась одна. А старшая подруга с могучим ростом, тем временем распахнула балкон, включила радио – исполнялась страшная классическая ария, и тонкий голос взывал все выше и выше и не срывался. Громкость была на пределе, и Алексея не было дней пять или восемь. (В тот день он как раз стоял на краю вырытой специально для них могилы для устрашения вместе с одним другом, который выбивал надгробия, и враг – мужик, как на расстреле, обыскав их, нашел в Алешином кошельке ее красивую фотографию и спросил: «А это кто тебе?», но Рита ничего этого не знала.)

С улицы ворвался вихрь и вдруг хлынувший отдельными холодными струями дождь. Из голых черных веток, похожих на ивовые, влезших в кухню, хотя ивы во дворе не росли и вообще никакие другие деревья, ведь двор – колодец, влетело несколько отродясь не водившихся здесь летучих мышей. С писком, как показалось Рите, одна врезалась ей в щеку, другая задела то ли крылом, то ли рукой... Двое из них полетели дальше в комнаты, другие, покругив, откусили кусочек хлеба на холодильнике и покинули кухню. И ария закончилась. Стало тихо. Гостя с мокрым лицом обернулась к Рите, опустила руки и выключила радио, чтобы не началась другая, сбивающая музыка. Хлопнула балконной дверью. Стало тепло.

Обе выпили поддельного отравленного коньяка, купленного на углу в государственном ларьке. Выпили бутылку до дна. И, уходя, гостя заулыбалась у Риты:

– Пообещай же и мне что-нибудь хорошее!!! Неужели я всегда буду одинока, нелюбима и несчастна, и мужчины будут уходить от меня к своим женам!!!

– Обещаю! – Рита словно вошла в роль и говорила с подругой, как Богиня, которая жалилась. – Обещаю, что счастье твое скоро придет, я и сама в него не поверю, пока не увижу собственными глазами, и ты долго будешь сомневаться, так оно будет несбыточно! Но и ты должна измениться, стать простой радостной женщиной, а не Повелительницей туч! Даже рост

твой уменьшится, согласишься на это! Ты будешь не такая худая и побелеешь вся, разгладишься, вплоть до сегодняшних закудрявленных волос! Не обсуждаю твою пятнистую кожу. И мысли, и голос – все будет не твое, а некой счастливой женщины, согласишься на это, и ты будешь счастлива! Я не знаю, откуда я это знаю, но обещаю тебе, что – так!

– Согласна! Согласна! – С блестящими глазами кричала одесситка, и они сфотографировали друг друга на «поляроид». Для памяти.

Это получилось прямо как условие ее ухода – после обещаний она покинула Ритин дом. Рита еще минут десять или пятнадцать сидела на табуретке под стеной, отдыхая. Глянула потом на свои новые туфли и увидела, что железные набойки ровно рядышком лежат отдельно от каблучков. Прибить их назад сапожник не смог – пропала обнова, зато через год Гостья влюбилась в молодого юношу, поверила ему, и он ее полюбил, и стали они семьей работать и вышли из бедности, и родила она ему ребенка, и из худой ее фигуры выросли бока и формы, глаза поменялись на совсем другие, правда, поменьше, но посветлее, не такие укоризненно-пронзительные.

Часто приходили и Алешины «друзья» и подстерегали его, чтобы забрать долги. Из них хорошим был только один: он выпивал все то время, что сидел, не вставая даже в туалет! А к ночи водка у него начала выходить обратно, и он, не желая ее терять и ронять на пол, задирает голову и держал ее так запрокинуто минут по пять, пока она вся заново не распределялась по его грудной клетке, мозгам, ногам, рукам, пальцам, по складкам одежды и прочим другим органам.

Однажды она отсыпалась после ночи ожиданий, и ей снились выстрелы, один, второй, третий, пока она не проснулась. Стреляли наяву. Рита побежала к окну: за домом еще раз пальнули. Окно задребезжало. Она надела плащ и побежала на выстрелы, готовая ко всему и на все.

Небольшая площадь за домом была огорожена железным сетчатым забором. Пронзая в сетку пальцы и закачавшись вместе ней от порывов, Рита разглядела: лежит убитый парень. Широкую одежду на нем мотает ветер.

Он лежал под непогашенным с ночи фонарем, как на сцене, будто специально искусственно подсвеченный. Он лежал лицом вверх, чтобы Рита могла рассмотреть – не Алеша.

Прямо при Рите это лицо покинула душа, и в считанные секунды оно обескровилось и стало цвета мертвой оболочки. Уже стало понятно, он – уже не человек. Тело примялось по земле, как пакет без молока. Нигде не было видно крови. Он лежал, непонятно куда убитый, со спокойным лицом. Никто не интересовался его смертью. Мужчина в штатском стоял к нему спиной, метрах в десяти, курил. За забором торговали. Там был маленький рыночек. Рита подумала: «Вот и я такая же, как он, никому не нужная, только еще не валяюсь под фонарем, а стою и запоминаю, как это бывает...»

Под впечатлением Рита вернулась во двор. Постояла, всматриваясь с земли в свое собственное распахнутое освещенное окно. Занавеска вывернулась и лизала грязную стену дома. Рита посмотрела на небо: еще не потухла с ночи бледным контуром луна и некоторые ее любимые, самые яркие звезды, одну из которых она принимала за НЛО. Она думала: «Вот как дрожит эта яркая звезда, она зависла ровно надо мной, она следит за мной, и вот она опять на месте!» И это явление Рита опять трактовала на свой счет.

Пока она смотрела, в арку вкатилась белая машина и засигналила. Вышли двое парней, похожих друг на друга буквально всем. Один закричал, глядя в Ритины окна:

– Алеша! Алеша! Алеша!

Она тоже стала смотреть себе в окна, как не на свои. По лестнице она предусмотрительно бежала как можно скорее под вскрики снизу: «Алеша, Алеша...» и сигналы: «Там-там-там-там-там...» «Такие примитивные, – подумала она про сигналы, – все ими сигналият, и все на них выглядывают».

Отчего-то Алеше не жилось в своем жилище, он находил причины вырываться из него, как на волю... Без перерыва, целую неделю жил он здесь только раз, когда привел вместе с двумя товарищами еще одного немолодого мужчину. «Это гость», – представил он без имени и фамилии, поселил его в дальней комнате. Постельное белье не принял от Риты, и она встречалась с незнакомцем, только когда кормила, в кухне. «Гость» всегда молчал и затвердевшим взглядом смотрел в окно. Через пять дней он вдруг бросился в это окно и по не очень широкому архитектурным портикам побежал мимо всех комнат, пугая голубей и жильцов, и выбрался в подъездное окно на лестницу.

– Сбежал! – закричал один из товарищей Алеши, все выдав Рите этим вскриком. Его бросились догонять, но прошло уже много лет, но он не нашелся. Тогда Рита узнала, что мужчина был заложником и что иногда его беззвучно били – после побега она отмывала ту комнату и нашла немного крови.

Алеша сказал:

– Как он не сорвался? А если б он упал? Не знаю, что сказать соседу. Он пробежал мимо его окна.

– Даже коты не ходят по этим портикам – не рискуют, – сказала Рита.

В этой квартире происходило много горя – Рита раскрывала сундуки и находила вещи живших когда-то давно здесь женщин, фотографии их красивых лиц валялись по оцарапанным коробкам, никому не нужные, чтобы не вспоминать. И вот теперь очередь дошла до нее – она была поселена в этой старой квартире вместо всех этих уставших и умерших женщин, чтобы любить Алешу вместо них. Одна из них, самая красивая и молодая, приснилась Рите: пройдя сквозь слой земли, она оказалась с ней лицом к лицу – на маленькой кухне с ярким электрическим освещением. Обойдя Риту, женщина с несчастливым взглядом обняла ее за плечи крепко-крепко, навалившись сзади. Что она сказала, Рите было не дано запомнить, но, вернувшись наверх, опять пропуская слой земли перед глазами, она была уже в некоей эстафете – и принята.

Закрывшись на несколько засовов, она вспомнила, как совсем недавно еще приняла на свой счет одну бегущую женщину. Дело было так. Рано-рано утром, в девять часов, а это было рано для Риты, она ехала в такси. Вдруг все впереди едущие машины стали тормозить, сигналить, потом очередь дошла и до Риты – посмотреть, что же там случилось. Яркое светило солнце, было холодно, все ходили уже в плащах, а тут бежала женщина, лет тридцати. Бежала неумело, как уточка, раскачиваясь и размахивая руками, никуда не оглядываясь, босая, с голыми белыми ногами, не худыми и не толстыми, а такими женскими, одетая в одну только коротенькую сорочку – все было у нее напояз, потому что бежала она и без трусов и вообще без всего, только в белой расстегнутой распашонке. Как она оказалась на этой улице, там и домов поблизости не было, да еще на таком подробном солнце?

– Хорошо, что живая, – сказал шофер.

Лицо у бегущей было испуганное, подпухшее, жеванные волосы развевались от ветра. Водитель нажал на газ, а Рита подумала: «Вот и мне надо остерегаться, я – такая же, как она, только пока одетая, и еду в машине, но надо мной так же улюлюкают, и подсмеиваются все, и хотят, чтобы еще больше сорочка задралась, и чтобы упала в лужу, и встала, и опять, еще более загрязненная, побежала неизвестно куда, к кому, совсем опозоренная, никому не нужная, больная похмельем и совсем сошедшая с ума!» Как некоторым хочется вдруг непреодолимо выпрыгнуть с каруселей скорее на землю, так и Рите хотелось побежать рядом с этой женщиной.

«Но ты должна себя держать на контроле!» – сказала она самой себе. Мысль понеслась в другую опасную сторону: «То есть это предупреждение тебе. Ты согласишься на смерть, если только она будет красива. Ты очаруешься ею, и тогда тебе не страшно будет умирать. Вот если она будет некрасива, ты спасешь себя! Тяга к красивой смерти – редкий дар. Как приятно слышать – предрасположенность к красивой смерти. Но смерть не страшит меня. Она как подруга

мне, как сестра, улыбающаяся, вся в белом. Я представляю ее лицо, и мне хочется обнять ее за плечи, поговорить с ней: „Как долго я не видела тебя!..“»

Глава: Пока он не вернулся, она сама решила достать ему денег

Когда Рита позвонила в дверь одного знакомого, у которого хотела занять деньги, но боялась уединиться с ним, его уже трясло от гнева и нетерпения. Она опаздывала на три часа.

– Дрянь! Дрянь! Вот дрянь! – тонким голосом вскрикивал он, открывая дверь. – Какая дрянь! – Он распахнул ее. Рита стояла перед ним, покачиваясь на каблуках, выше его на целую голову, а звонок продолжал звенеть.

– Кажется, у меня запала кнопка и поэтому не перестает звонок... – сказала она.

– А-а-а!!! – вскричал ее знакомый и побежал назад в свою квартиру.

Она, как будто перешагивая грязь, стала ступать за ним, прижимая локтем сумочку и озираясь, как в музее:

– Я еле пришла.

Он, нервно порывшись в кухонном столе, пробежал обратно мимо нее с ножом. Звонок звенел, не переставая. Ножом он пытался выковырнуть кнопку, но ничего не получалось. Совсем доведенный, он резанул по проводу, и звон прекратился.

В тишине Рита стояла у коридорной вешалки, интеллигентно поджидая хозяина. Мрачный, лохматый, в кальсонах, он прошел мимо нее. Швырнул нож на подзеркальник рядом с ней.

– Это же невежливо, – тонким, неестественным для нее голосом начала она. – Почему ты в кальсонах? Почему не приглашаешь пройти? – Он ничего не ответил. Он был нездоров и с плохим характером, который ему потом помешал в жизни.

Ушел в дальнюю комнату. Она услышала скрип пружин – значит, лег на кровать и ждет, что она придет к нему.

Она не двинулась с места, а занудно заговорила:

– Я опоздала, потому что у нас не свидание какое-то, как ты воображаешь всегда, а я пришла просить займы денег. – Она посмотрелась в зеркало, обреченно перевела дыхание. – Ты можешь там не лежать и не ждать, что за дурацкие подходы!

Тут она услышала, как от переполнившей его ненависти приятель стукнул кулаком в стенку. Как бы в ответ.

Она спокойно вздохнула и поморщилась. И все равно не пошла к нему в комнату на пружинящий диван, а даже наоборот – в кухню.

Все в этой квартирке было маленьким, под хозяина: низкие потолки, узкий проход в кухню, пятиметровую, с намертво приклеенной к окнам черной бумагой. Все было подсвечено настольной лампой. Рита хозяйственно поставила чайник на плиту. Уже более ласковым голосом позвала:

– Иди сюда! Попьем чаю! – Потом более резко: – Что ты там лежишь, как дурак!

И хозяин неожиданно тут же возник в дверях, постоял многозначительно, выпятив челюсть и облизывая сухие губы. Внешность у него была с первого взгляда вообще отпугивающая: рост чуть ниже карликовского, широкоскулое лицо с желтой кожей, на что Рита тут же откомментировала:

– Какая у тебя плохая кожа что-то!

Итак, его лицо. На нем все время выступала блуждающая улыбочка, одновременно и подлая, и приниженная, будто он смаргивает, каждую секунду ожидая, что его шлепнут прямо по лицу. Небольшие глаза пронзительно горели, рыжие вкрапины на зрачках – пометины последующих недугов – татарские глаза. Яркий растянутый рот. И волосы у него вечно пачкались, хоть он предпринимал различные ваннные процедуры и очень ухаживал за собой, имея внутри какую-то болезнь, постоянно лечился и охал. Жирные свои пряди он любил заворачивать под майку с длинными рукавами.

С унынием оглядев его, такого свирепого и одинокого, но совершенно не жалкого, а даже воинственного и агрессивного деньгодателя, Рита спросила:

– Я прочитала на титульном листе: рассказ «Тик-Так»... – Она наклонилась к задвинутой печатной машинке в углу. – Ты что, решил стать писателем? Разве это приносит деньги?

Он подошел к ней вразвалочку и, с не улыбающимся лицом глядя в улыбающееся Ритино, схватил ее за талию.

– Это же невежливо! – недовольно сказала она. Он немного отпустил. Взгляд его потеплел. Она слегка пихнула его в грудь.

Тогда он уселся тут же в кресло – сделал равнодушное лицо. Забросив одну босую ногу в сандалии на другую, он уставился в стену.

– Какой у тебя тяжелый характер, – сказала Рита. – Если ты себя так бережешь, одень носки. И меняй их каждый час, чтобы всегда были сухие.

Прошла мимо него, чтобы взять чашки. Он опять резко зацепил ее за край платья и стал за него подтягивать девушку к себе.

Рите стало жалко платья, что он порвет последний подол, так энергично и сильно он его тянул, и она неохотно села ему на колени.

– Ну? Почему ты всегда пристаешь, пристаешь, пристаешь... прямо у дверей!.. Что у тебя там в голове?

Тот вскинул голову, выразительно посмотрел на нее. Она постучала ему по голове. Тогда он ответил:

– А почему ты всегда опаздываешь, опаздываешь, опаздываешь, потом обманываешь, обманываешь, а потом всегда не можешь, не можешь, не можешь?... – У него был тонкий голос, пародирующий ее манеру говорить.

– Где обманываю? Я пришла занять у тебя небольшое количество денег, я никогда ни у кого не просила займы! – Она попыталась встать, чуть оскорбленная, но он держал ее крепко, даже как-то цепко, а она, возвысив голос, спрашивала: – Почему ты всегда меня мучаешь?! – Он с улыбкой, как будто передразнивая ее, а на самом деле обороняясь, глядел расширенными глазами. – Разве ты меня любишь?

В ответ, как бы не найдя более веских доказательств, он стал расстегивать ей платье. Она опять рванулась из его рук, пожалев, что не надела глухого платья. Тут он разочарованно заметил:

– Что это у тебя все время под платьями надето?

Она опять рванулась, и он не стал удерживать ее. Она что-то хотела ответить ему, но тут же вздрогнула и вскрикнула и повернула указательный палец в открытую дверь:

– Кто это?

Выглядывая из комнаты, против света, разделенная косяком двери напополам, стояла, и, видно, давно, чья-то фигура.

Знакомый ничуть не испугался, помахал утрированно рукой, как вдаль, и, растягивая на слога, позвал:

– И-ди сю-да! – И опять замахал рукой, как провожающий на перроне.

Фигура помотала кудрявой головой.

– Вот дура, ревнует! – самодовольно сказал повеселевший знакомец. – И-ди сю-да! – Он опять замахал рукой. – Я те-бе го-во-рю!!!!..

И тогда в кухню вошла девушка. Ее звали Яя. (Имя она придумала себе сама, и настоящее, простое русское, было только в паспорте.)

На ней была одета только длинная майка, и, значит, она пришла из той комнаты, где стояла кровать и скрипели пружины и в которой она, верно, все это время лежала и ждала.

– Боже мой! Так мы все это время были не одни! – сказала Рита, проникаясь жалостью к той, другой девушке и пропуская ее мимо себя, улыбающуюся одними уголками губ, холодную и надменную. Кудрявые черные волосы ее были спутаны.

Она села на табуретку, быстрой острой рукой схватила со стола сухарик, стала хрустеть им в тишине и что-то спрашивать неестественным, ненормально высоким голосом – несколько раз одну и ту же фразу-вопрос, пока, наконец, всем не стал понятен смысл:

– Что смотррррришь? – Обращаясь к мужчине и гордо поворачивая голову к растерянной Рите: – Что смот-рииишь?

– Красивая! – восхищенно сказала Рита. Она подумала, что девушка нерусская.

Та кивнула, пропевая высоко:

– Здрррравствтвуйте!!! – резко и громко.

Мужчина не сдержался и безумно засмеялся такому своему сводничеству. Пока он наблюдал за девушками, в нем разгорался азарт.

Яя холодно глядела на него, как ящерица.

– Она глухонемая, – пояснил мужчина Рите. Та тут же расшифровала это по его губам. Обиженно прищурилась.

Так они познакомились.

Хоть Яя и была старше Риты на три года, ей было двадцать шесть, но лицо ее было сходно с лицом ребенка – очень красивая кудрявая девочка с острым профилем, худая, высокая, с острыми длинными пальцами. Пока пили чай, неловко разговаривали, она все время беспричинно, как дурочка, улыбалась (это было наивно, искренне и издевательски одновременно), надувала и сдувала принесенный с собою презерватив. Хлопала надутым боком себе по щекам или лизала его. Рита вежливо смотрела на нее, в ответ тоже улыбалась на каждую Яйну улыбку. Яя тогда пояснила:

– Я ему сказала, – острым пальцем указывая в лицо татарина, – что только в презервативе! – Высоким фальшивым голосом, как иностранка, с акцентом: – СПИД!!! – Она показала широким жестом, раздвигая и шевеля пальцами, на кухню. Рита закивала, не отрывая замороженного взгляда от красивой глухонемой. Та резко спросила:

– Что смотришь?

– Красивая! – сказала Рита, показывая на нее. – Кра-си-ва-я!!!

– О! Спасибо! Ты, – ткнула в нее пальцем, – красивая!

Мужчина, наблюдая за ними, задумался, нарочито закашлялся и сказал больным голосом:

– Мне необходимо прогреться от простуды.

Он достал из тумбочки кварцевый аппарат для загара, отключил настольную лампу, запуская свой кварц.

Девушки стали наблюдать за ним.

Охая, тот устроился перед аппаратом, похожим на вешалку. Загорелся кварцевый зелено-голубой свет, выбеливая лица сидящих. Кавалер надел черные объемные очки на впивающихся резинках, как пловец, стал покряхтывать, снимать тапки, стараясь не сдвигать подставленного под свет лица, вообще не стыдясь, растер руками сначала ступню одной ноги, потом другой. Лицо его с черными кружочками вместо глаз походило на лицо классического диктатора. Кварцевый аппарат щелкал-тикал (как из его рассказа «Тик-Так»), нагревая душный воздух кухни.

– Больной очень! – с жалостью громко пропела Яя, анализируя увиденное про мужчину. Рита же презрительно пожала плечами.

Потом они пошли гулять. Татарин снимал квартиру на самой крайней окраине города, рядом с озером. На противоположной стороне – лес, откуда периодически слышались мужские голоса и женские классические визги. Вокруг озера был разбросан грязно-желтый песок, две-

три скамейки. Дул ветер, как негустая вода, прямо в лицо. Они шли вдоль берега. Кричали московские чайки.

Татарин шел вслед за девушками. Ему нравилось, как они вдруг составили парочку, да и кому бы не понравилось, так они подходили друг к другу: одного роста, обе с острыми профилями, две страдающие красавицы, почти сестры. Замотанный шарфом, соблюдая манеру идти немного в стороне от людей высоких, он счастливо шурился на ветер и напряженно мечтал...

Оборачиваясь с коварными улыбками, красавицы удалялись от него, вцепившись друг в друга «под ручки». Они что-то бурно обсуждали. Рита быстро усвоила манеру жестов и мимики, объясняясь с глухонемой Яей.

Рита уже рассказывала ей, восклицая:

– Боже, как мне нужны деньги! Как нужны!!! – Деля на слоги слова и преувеличенно закатывая глаза, повторяла она, стараясь быть доходчивей. – Я к нему, – она показала пальцем на татарина, – пришла просить денег...

– Он так не даст, только спать! Такой!..

– Как нужны деньги!!!

У Яи в ответ загорелись глаза.

– Я знаю, – она затыкала острым копьевидным пальцем себе в грудь, – я знаю способ достать деньги! – Пауза. – Деньги нужно брать от мужчин. Слушайся меня. Я знаю. – Она говорила простые, но очень убедительные фразы очень убедительным тоном. – Я сама пробовала два раза. Эти деньги мне очень помогли!

Рита еще с сомнением смотрела на нее. Тогда Яя, как последний довод, отогнула полу худого плаща:

– Это платье я купила на мужские деньги!!!

Когда татарин догнал их, ревниво оглядывая каждую, Яя спросила у него, указывая на Риту:

– Любишь ее?

Тот пожал плечами.

– А я люблю!!! – сказала Яя, и они обе заулыбались, как бы объединившись против него. Татарин пошел мрачно рядом. Не поворачивая головы, чтобы глухонемая девушка не поняла по губам, что говорят про нее, он начал:

– Ты не знаешь, какая жестокая эта глухонемая. – Тон его был нарочито горестным. Он искал, как бы встрять между ними, настроить одну против другой. Познакомил их... и ревность охватила его. – Ты не поворачивайся, я буду говорить. Вот однажды я пришел к ней в общежитие, сел. Она была тогда беременна от меня, но сделала аборт. Она не обращает на меня внимание пять, десять минут, полчаса!.. – уже разгоряченно рассказывал он под вой ветра. – Потом говорит мне своим ненормальным голосом, – и он стал передразнивать ее манеру говорить, – я спала с этим, с этим, с этим, и указывает мне на каждого хмыря, что рядом, с этим, с этим... А ты-то что тут делаешь??? – Он замолчал, а Рите этот рассказ понравился. – Она ненормальная! Она глухонемая, и психика у нее повреждена!

Яя заглядывая Рите в лицо, заговорила:

– Черным! Черным вот тут себе накрасть завтра! – И она показала себе на веко. – Так красивее!

Рита закивала. Спросила у татарина:

– Так ты одолжишь мне денег?

Он гневно отошел в сторону, продолжая идти параллельно девушкам.

– Завтра! – сказала Яя. – Завтра все будет. – Своими возгласами она опять укрепила Риту. Изумляя подслушивающего их татарина, она продолжала: – Мы красивые! У нас все будет!

Глава: Приключение первое

Они встретились на троллейбусной остановке. Яя уже стояла и ждала Риту. На ней был черный, туго затянутый на голове платочек, который как бы уверял в скромности. У них с Ритой оказался схожий вкус – та, словно по договоренности, тоже была наряжена в скромный черный платок. Увидев Риту, Яя тут же пожаловалась, закатив глаза:

– О! Как мне надоели эти мужчины! – И она поскорее взяла ее под руку, и они пошли вниз по улице. К гостинице. Было уже темно. Мимо на большой вечерней скорости проезжали машины.

У столба они увидели девушку. Она рвала фотографии прямо внутри прозрачного пакета, засунув в него руки, мелко-мелко. Подруги обернулись на нее.

– О! Нельзя никого полюбить! Еще одно доказательство! – сказала Яя.

Тогда Рита вспомнила и рассказала следующую историю:

– Мне рассказали, что поймали одну девушку-проститутку из-за денег, не важно!.. – Рита говорила медленно, «по губам». – И ей отрезали уши!!! Вот так.

Яя схватилась за косынку в те места, где уши, и закричала по-ненормальному:

– О! Нет! Без ушей я совсем пропаду! – Рита пораженно глянула на нее, тогда Яя стала пояснять: – Если меня поймают, и если отрежут уши, и я еще неслышащая, и с отрезанными ушами! Все! Я тогда пропаду!

Рита даже пожалела, что рассказала ей эту историю, и замолчала, а Яя еще метров десять несла на лице выражение отчаяния и тревожно глядела вперед себя, обдумывая свою судьбу.

В этом молчании Рита нашла себе новое занятие – встречала и провожала взглядом «иду-щие» навстречу ей туфли – черные, блестящие, с бантами и без, с бляхами, на каблуках... – и сравнивала со своими, неважными.

Так они пришли к гостинице.

Яя сказала:

– Надо ходить, ходить! Не надо стоять! – И она потянула Риту, и они стали прогуливаться туда-обратно, туда-обратно. Яя делала вид, что она разговаривает с Ритой, и имитировала человеческую речь: – Ну... вот... да-да-да! (Это ей было легче всего произнести). Пни-ма-аешь? А?... Да-даааа... О! Конечно! – Особенно она любила это последнее сочетание и повторяла его на разные лады: – О! Конечечно! А-а! Каааанечно!!!

Поначалу Рита не сразу проникла в замысел Яя и раза три озабоченно переспрашивала ее, но потом поняла – ага, вот как надо. Тоже кивать, вскрикивать и реагировать по-разному.

Они сделали остановку у киоска. Яя стала смотреть себе на руку в то место, где обычно носят часы. Рита тоже решила принять участие, посмотреть вместе с нею, покачать головой на несуществующее чье-то опоздание (такая у них образовалась легенда), но на запястье у Яя часов не оказалось. Она просто смотрела на голую руку и кивала. Рите захотелось домой.

Мимо прошел старый иностранец. Смаргивающий, как больной голубь.

– Ф-ф-фууу! – скривилась Яя на него, когда он безразлично оглядел обоих.

Было как-то безнадежно грустно стоять и «работать» у киоска.

Из остановившейся машины выскочил мужчина с наркоманским лицом и с огромным перстнем на мизинце.

– Сутэрнэр, – сказала Яя. Она плохо выговаривала сложные слова. – Два, нет, три раза у меня не было денег. Я набиралась сил и стояла тут одна!!! – Она сказала это героическим тоном, гримасничая, и жалобно улыбнулась. – Те деньги много спасли меня!

Они спустились погреться в подземный переход. Когда вышли, Яя толкнула вялую Риту и указала пальцем на полного мужчину, открывающего машину. Тот весело смотрел на них.

Яя тут же помахала ему. Он помахал ей. И одновременно они сделали навстречу друг другу первые шаги.

Когда селись в машину, мужчина, отступив на шаг, все осматривал их со стороны и после каждого взгляда сосредоточенно смотрел в асфальт.

Когда поехали, обернулся с переднего сидения и поставил такое условие:

– Только не халтурить, а?..

И наивная Рита удивилась (еще не осознавая себя той, кем назначалась в тот вечер) и даже переспросила ухоженного господина:

– Как это?

Мужчина был толстый, нестрашный, чистый, веселый, такой человечный, с пухлыми круглыми руками, в которых звенели ключи, когда он отпирал дверь своей квартиры.

Квартира была съемная. В коридоре стояли коробки, коробки, одна упала на пол при их появлении, как живая. Голая лампочка. Он заглянул в комнату с единственным диваном. Рита и Яя стали снимать с себя свои тонкие холодные пальто. Рита решила накрасить губы. Она оттаивала от холода, параллельно думая обо всем авантюрно-простительно, водя помадой по губам, и увидела, поймав в зеркале, что-то такое неожиданно-быстрое в своем исполнении: Яя в недоснятом, повисшем на одном плече пальто стоит заломленно-запрокинутая, и мужчина этот целует ее безо всякого вступления. Яя по-глухонемому чуть простонала (громко и резко, отрабатывая программу), а мужчина поднял внимательный глаз на Риту и помахал ей вздутой своей рукой: мол, иди сюда-а, к на-ам!

Рита сказала:

– Ага. Да я сейчас, – и быстро защелкнулась в ванной комнатке. Пустила воду и, потрясенная, посмотрела на себя в зеркало. Из-за уха ее же собственный голос произнес насмешливо: «Ри-та». Она оглянулась и прижалась лбом к собственному отражению, и из зеркала она услышала вздох. В дверь начали стучать, и под мычание глухонемой Яи мужчина стал спрашивать ее:

– Что с тобой? Мы тебя ждем! Выходи!

Когда она вышла, Яя неловко перекатывалась с мужчиной по казенному дивану с расстеленными газетами. (Газеты были чище, чем сам диван.) На ней было расстегнуто платье, а он – еще в брюках. Скорее всего он пока стеснялся своей толщины. Он тут же встал, тоже закрылся в ванной.

Яя, прищуриваясь, заговорила:

– Ты хочешь деньги вместе получать, а оставила меня одну, да? – Голос уничижительный.

– Да нет же, – промямлила Рита и стала для убедительности снимать туфли.

– Тогда теперь ты его ласкай! Я устала! – сказала Яя. – Давай! Давай! – И она демонстративно откатилась на край дивана, шурша газетами. Сложила руки на груди и стала наблюдать холодно, как не человек, а ящерицыным взглядом.

Он вышел вдруг, весь раздетый догола.

– Это же первый этаж! Здесь нет штор? – с ужасом спросила у него Рита.

– Ветки густые, еще листья не облетели, – сказал он, присев на край дивана. – Хорошо, что мы теперь с ней не одни. – Он кивнул на Яю: – Я ее боюсь, что она мычит? Пускай там остается. Пускай не обижается.

– Деньги! Деньги где? – вдруг сказала Яя своим фальшивым резким голосом.

В такси Яя поделила деньги поровну. Одна стопочка и вторая стопочка.

В этом городе у Яи не было своего родного дома, и она очень любила ночевать в гостях, где будет чистая белая постель, домашний суп, отдельная ванная с запахом крема и мыла, а главное – зеркало...

Настроение у нее улучшилось, когда они зашли в коридор Ритиной квартиры.

– Спать вместе? – просяще спросила Яя. Рита пожала плечами. Алеши, как всегда, не было. Яя, с грохотом скидывая туфли (она не контролировала звуков, всегда все делала громко), побежала на кухню. Открыла холодильник.

Они легли вдвоем на одну большую постель, но одеяло было общее. Яя доверительно тут же закинула ногу на Риту. Горела настольная лампа с зеленым абажуром. Яя, вспомнив, дернулась и забрала из-под кровати с полу свою сумку, с которой никогда не расставалась, и спрятала ее под подушку. Опять послушно, как пай-девочка, легла щекой на локоть, рассматривая Ритино лицо, как впервые.

Рита выключила свет. Легла в большую проваливающуюся подушку. Яя полежала немного в темноте и сказала:

– Ты должна знать! – Она привстала на кровати, опять зажгла свет, как для особого сообщения. – Если я не буду жить как в раю в тридцать три года, а буду жить как сейчас, то я буду кончать самоубийством! Потому что так жить невозможно! – с надрывом воскликнула она. – Я буду добиваться. – Она остановилась и взглядела в Ритино лицо. – Ты не бойся. Просто я хочу, чтобы ты знала и потом... все поняла и не удивлялась. – Она сразу выключила свет, закончив фразу. Рита зашевелилась, желая что-то ответить. Яя приказала: – Не зажигай свет. – И опять по-хозяйски закинула ногу на Риту, и им стало как-то спокойней.

– Завтра, – сказала Яя, как главный идеолог-направитель. – Завтра все будет.

Деньги. Посчитав их наутро, Рита положила все в полиэтиленовый пакет.

Глава: Само собой

Яя любила гулять.

Гулять она приучала Риту.

Был дождь, но Яя сказала:

– Давай гулять. – Она помахала рукой и потянула воздух, показывая тем самым, что вдыхать свежий дождливый воздух полезно.

– Теперь понятно, почему ты такая худая, – сказала Рита.

– Гулять-гулять-гулять, – весело повторяла та.

Рита же не привыкла просто так, бесцельно идти куда-то по холодной забрызганной улице на каблуках.

– Я должна ждать... Как? Куда гулять? – сморщилась она на подувший холодный ветер и нарочито завернулась в теплую кофту.

– Давай пойдем туда, – потянула ее Яя.

У них не было зонта.

– Не люблю зонтов, – сказала Рита.

– Какая ты всегда грустная, – начала Яя, идя вихляющей походкой рядом. – Взгляд как у собачки. – И она потянула кожу между глазами, имитируя взгляд Пьеро.

– Да?!! – испугалась Рита. – Я не буду, я не буду больше! – Такой взгляд ей показался уродским.

– Это из-за Алеши, да? Любовь! – хитро спросила Яя. Она уже все знала и ревновала Риту. – О!.. Мужчины! – воскликнула она театрально и презрительно. – Все подлые. Думай о себе! Думай о себе! – навязчиво стала повторять, осматривая холодными глазами прохожих.

Мужчины оглядывались на них. Они остановились под фонарем.

– Мне кажется, вот как я умру. Меня убьют ножом в спину, – сообщила романтическая Рита.

– О! Красиво! И ты знаешь, кто?

– Да, я не выдам его. Это будет на вокзале.

– В спину?

– Но он аккуратно положит на перрон, из жалости, и чтоб я увидела его лицо.

– О! – Одобрительный жест.

– Одна из лучших смертей, когда засыпаешь на морозе, а Снежная королева, пока единственная, кто занимается падшими, поет и ласкает – все только плачут и улыбаются, и нельзя разбудить такого человека, хоть сердце его и постукивает!

– Ты будешь богатой?

– Буду. Буду приглашать тебя на завтраки в самые лучшие отели мира. Буду приглашать на завтраки и обеды самых интересных людей, но только по одному разу, поболтать за едой. У меня будет свой остров. Такая сухая, чопорная дама в перчатках.

Яя обиделась:

– О-о-о! – Она взметнула свою руку и несколько раз восторженно потрясла ею перед лицом подруги. Рита отшатнулась от нее – была большая вероятность, что Яя заденет ее своими острыми заточенными ногтями.

Они помолчали.

– Пошли к мужчинам, – сказала Яя, приставляя сложенные в щепоть пальцы – обозначение по-глухонемому слова «мужчина».

Какой-то пьяный им встретился в переулке. Он, шутя, загородил им дорогу.

– Куда это вы? – спросил он весело.

Яя обеспокоилась, шарахнувшись от него.

– Что? Что он говорит? – спросила она Риту.

– Спра-ши-ва-ет, ку-да это мы? – перевела ей Рита.

– А, – воскликнула Яя и ответила, оббегая его: – На работу!

«Добыча» была найдена около киоска с горячими бутербродами. «Добыча» была легкой. Мужчина – толстый молодой иностранец, белобрысый, простой. Они вели его под ручки в Яино общежитие. По его молчанию, напряженному, чувствовалось, что попался жадный и недоверчивый. Он шел, но каждую секунду казалось, что готов остановиться, – так он сомневался, тратить ему свои деньги или не тратить. Нужно ли, стоит ли, хочется ли...

Яя, отвлекая, рассказывала ему про свою жизнь:

– Вот юбка! – высоким голосом пропевала она, щепотью худых пальцев задирая ее повыше, прямо к его белобрысым глазам и показывая поношенное качество материи. – Бабушкина! Стоила семь рублей!

Рита кивала. Как бы переводила:

– Бедная жизнь! (*Шумно вздыхала.*) Где вам еще так повезет? (*Добавляла она, оглядывая его некрасивую внешность, хотя он плохо понимал по-русски.*)

Тот отчужденно пожимал плечами. Опять думал, похоже, о денежных проблемах.

Прошли мимо церкви. Яя нарочито-показно перекрестилась. Сгримасничала кротость.

Рита же в этот момент увидела, как бездомная черная собака нюхаетдохлую крысу; тогда Рита, отстраняясь от иностранца, закомандовала:

– Фу-фу!.. – Повернулась к Яе: – Она, наверно, очень голодная!

Потом Рита посмотрела на иностранца со свертком горячих бутербродов, тот только пожал плечами.

Как раз возле церкви за забором находилось общежитие. Это было одноэтажное здание с решетками на окнах и с табличкой, что в нем выступал Ленин. Яя объявила:

– Это моя тюрьма!

У крыльца надпись: «Общежитие общества глухонемых».

Поднялись по бедной деревянной лесенке.

Яя их пока оставила в темном коридоре, сама первая зашла в комнату. Перед дверью она сняла туфли, как в деревне, и вошла босиком.

Вообще здесь перед каждой дверью стояли горки истрепанных шлепанцев и тапок. Пахло едой. Иностранец абсолютно ничем не интересовался и стоял смирно, с вежливой улыбкой рассматривая Риту.

Тут Яя выглянула. Они затянулись к ней в комнатку с двухэтажной кроватью-«нарами».

– Это – моя! – Яя с улыбкой похлопала по «второму этажу». Иностранец сел на «первый этаж», пригнув голову и уперевшись взглядом в круглое зеркало на стене. Здесь было так тесно, что все близко. Прямо под носом у клиента висела его прозаическая физиономия в отражении, как гиперреалистический портрет. На полке с одной-единственной книгой стоял лакированный, на керамическом овале портрет мужчины, как на могилку – с серьезным и бдительным лицом.

– Это – муж моей соседки из другого города! – сказала Яя, жестикулируя, плюхаясь рядом с иностранцем на «первый этаж», в полумрак. – Но у нее есть любовник из соседней комнаты! – успокоила она.

Иностранец достал кошелек, когда наступила томительная пауза.

– Стой! – вскричала Яя и бросилась зашторивать окно, а потом хлопотливо подбежала к двери и задвинула засов. Теперь все было готово.

– Я тебя, – иностранец вдруг заговорил по-русски, ткнул в Риту пальцем в дверях, когда уходил, – жду у церкви. Да?

– Да-да, – сказала Рита поспешно, чтобы Яя не увидела – та отслаивала деньги, вмятые в простыни.

Он зачесал ладонью редкие волосы, перебросив их на затылок, крикнул и пошел, громко стуча ботинками по деревянному полу.

Гоняясь за выгодой, они всегда соблюдали верность друг другу, и Рита, конечно, не пошла за ним. Она расшторила окно и молча смотрела, как уходят самоуверенные мужчины с мясистыми спинами, пока Яя хрустела деньгами и делила их пополам, сидя в одних чулках в полумраке ниши «первого этажа».

В комнатке за такой короткий отрезок времени сразу воцарился беспорядок, бордельный и грязный. Хотелось поскорее убраться отсюда.

Яя протянула свернутые бумажки, как выдают бухгалтера зарплату в окошке.

– Жа-а-дный, фу! – коротко определила она его, и больше о нем не вспоминали.

Одеваясь, Яя подошла к зеркалу, посмотрелась.

– Ма-а-а-ленькая у меня грудь! – грустно протянула она, вздыхая. Вернулась, села рядом с Ритой, провела рукой по ее груди. Улыбнулась. – Нра-а-а-вится мне! – пояснила она.

Глава: Жалобы

Рита опускает указательный палец в чай и смазывает виски, щеки... и слышит, как звонит телефон.

– Алеша!!! – говорит она.

– Это говорят от Яи. – По телефону чужой голос. Пауза. Шептание: – Она передает вам, что у нее все плохо!.. – Тут, видно, Яя вырывает трубку и кричит отчаянно, оглушая Риту: – Горе!!! О, горе у меня!!!

– Что случилось? – тоже кричит Рита.

Опять меняется трубка на чужой, старающийся быть «нейтральным» голос и объясняет:

– Она говорит: «Меня уволили с работы!»

– Да вы что? Почему?

– Она говорит: «Девушка, на место которой ее взяли работать, ушла в декретный отпуск. И вот недавно, три дня назад, у нее украли ребенка, так что она опять досрочно возвращается на работу, а вашу подругу увольняют».

Пауза. Голос кхекает:

– Что передать? Говорите! – как телеграфист повторяет он.

– Ну и что она теперь говорит? – отзывается Рита. – Пускай едет ко мне.

– Сейчас. – Голос опять обсуждает что-то с Яей. – Она спрашивает вас: «Когда вы пойдете на работу?»

– Какую работу?

– Она говорит, – продолжает «переводчик», – она знает, какую работу, вечером, сегодня! – Она вырывает трубку...

– Я еду к тебе! – Это уже Яин голос.

– Чай? – спросила Рита, уже зная и умея изъясняться по-глухонемому жестами. (Красивый взмах руки – как будто два сомкнутых пальца отлетают от губ.)

– Да, да, – трясла Яя кудрявой головой, по общежитской привычке снимая на пороге обувь.

– Ужас, – стала она рассказывать прямо из коридора. – Я ехала в метро и видела, как глухие разговаривали между собой про меня и сказали, что я – проститутка!!!

– Откуда они узнали?

– Просто обсуждали меня, не поняли, что я тоже глухонемая и все понимаю! Ужас! Вот я обратно ни с чем? Как я буду жить?

Сели за стол.

Рита: Я думаю, где Алеша, как давно его нет... – Она посмотрела на его пиджак на спинке стула. Яя ревниво скривила лицо.

Яя: Зачем он тебе? – Тут же придумала причину. – Пьет где-нибудь. Уже целую неделю ты страдаешь на моих глазах! Мне больно на тебя смотреть! – восклицает Яя, пытаясь поймать Ритин взгляд. – Он не ценит тебя. Твою любовь. Я знаю!!! – Она говорила простыми фразами, но они убеждали сильнее, чем сложные умные речи слышащих людей. – Ты – красивая. Я тебя люблю. У нас много будет денег. Зачем тебе Алеша?

Рита запоздало горестно соглашалась с некоторыми мыслями подруги: Да...

Яя: Ох ты наивная! Я! Я все знаю. Слушайся меня! – И она острым пальцем с пикообразным ногтем затыкала себе в кружева на груди. Она налила себе заварки в чашку. Посмотрела на Риту наигранно добрыми-добрыми глазами и даже охнула – так ей хотелось быть убедительной. – Ох! Ты моя наивная! Сегодня пойдем к одному глухонемому сутэрнеру...

Рита: Да... Деньги... Если будут деньги я смогу откупить его от долгов...

Яя: Что??? (*Закричала презрительно.*) Ты будешь их так зарабатывать и... отдавать Алеш-ке? – Ужас и негодование проступили у нее на лице.

Рита: И тогда я уйду...

Опытная Яя сказала: Себе! Себе деньги! Он думает о тебе? Нужна красивая одежда. Будешь красивая. Это еще больше денег. Из денег можно сделать себе счастье!

Пауза.

Яя опять ожила: Наивная, наивная. – Навязчиво повторяла она. – Ты не видела жизни.

Рита: Есть одно платье – он подарил, но я не могу в нем выйти, оно с расцветкой американского флага.

В молчании они попили свой чай.

Яя вдруг спросила:

– А если придет Алеша ночевать, то с кем ты спать ляжешь? С ним, да? – И она стала обличительно прищуриваться, не отрывая взгляда. Рита удивилась. Она тягостно вздохнула:

– Я не верю, что он еще вернется скоро...

– Ты! – сказала Яя, тыкая отточенным ногтем в грудь. – Со мной! Ты ляжешь спать со мной. Да?

– Хорошо, так я его накажу, если он придет.

– Надо сдвинуть нашу кровать покрепче, чтобы не расползалась! – радостно проговорила Яя и поцеловала Риту в щеку ближе к губам, схватив узкой «ящерицыной» рукой за плечо. – Люблю тебя!

Глава: Выселение из общежития

Поехали на троллейбусе. Яя всегда экономила деньги. Здесь было так тесно от народа, что девушек сначала сжало, а потом разъединило толпою. Рита определяла, где Яя, только по ее периодически громкому восклицанию-взвыванию на весь троллейбус:

– Помоги мне Бог только вырваться с этой Земли!!! – Видимо, Яя еще раз крепко сжали, и она опять не выдержала, и прямо из самой души у нее сама выкрикнулась просьба-воплъ. Весь троллейбус глянул на встрепанную Яю, проталкивающуюся к дверям. Но просила она не смерти, как подумал весь народ, а просьба ее была политическая – Яя уже давно мечтала покинуть Родину и жить в другой стране, где «не так сохнут мои руки, хороший климат и к глухонемым хорошее отношение!!!»

– Всех перехороню, – сказала она Рите, сойдя на остановке, – чтобы уехать с чистой совестью из этой земли!

Они долго стучались в двери общежития, потом посильнее толкнули, и те сами открылись. Прошли по узкому коридору с блестящими от коричневой масляной краски полами. Рита хотела обсудить с Яей, какой это противный цвет, но каждый раз путалась и думала, что Яя – не глухонемая, а дальтоник, а когда вспоминала наоборот, то уже происходили другие события.

Кто-то выглянул из своей комнаты, как зверек. Яя приветливо кивнула, но голова, только полюбопытствовав, быстро исчезла. Лицо у Яи посерело. Рита тут же не преминула понимающе сочувственно поддержать ее:

– Как ты могла здесь жить, бедная?

В комнате на этот раз находилась глухонемая Яина соседка. Зная об увольнении Яи и ее выселении, она уже распорядилась – Яины платья, чашки, туфли она свалила в распахнутый чемодан на полу.

Увидев пришедших, соседка Марина тут же замахала руками, деловито показывая, что очень торопится и ей надо все закрыть на ключ. Оглядывая Риту, тут же распознав в ней слышашую, она добавила ненатуральным фальшивым в интонациях голосом:

– Быстрее! Быстрее собирайте свои вещи! – Слова у нее получались более разборчивые, но голос был лишен той прелести и обаяния, которыми обладала Яя.

Соседка тут же отвернулась и стала причесываться, смотрясь в настенное зеркало, а заодно подглядывая за девушками в него.

Рита села на нижнюю полку кровати.

«Немая» хозяйка тут же закричала, обращаясь не к сидящей Рите, а к Яе:

– Скажи ей, пусть сядет на стул!!!

Рита пересела на стул, оскорбленная, ведь она подогнула край белья.

Яя по локоть, как размешивая, порылась в своих запыленных вещах и тут же обнаружила пропажу.

– У меня украли туфли! Боже мой!!! – пожаловалась она Рите и блеснула слезой.

Рита поднялась со стула, чтобы начать защищать.

«Немая» соседка тут же оторвалась от зеркала, словно ожидая скандала, закричала так громко, как и некоторые слышашие не смогут закричать:

– Что вы так на меня смотрите?!! У нее всегда все пропадает!!! Ты думаешь, я воровка?

– А куда пропало? – стараясь медленно проговаривать губами, встряла Рита, неприязненно глядя на соседку, заступаясь за Яю.

– Ага, ну ладно, – нейтрально сообщила «немая» Марина и выскочила из «купе». Через мгновение появилась с молодым рыжим мужчиной с уже совсем назревшим ячменем на глазу. Он, как бычок, наклонил набок голову со спутанными тонкими волосами – сразу же обнаружилась посередине головы нежного цвета лысина. Однако лицо его постепенно стало искажаться

злостью, такой предельной, патологической, вихревой, какая бывает у злодеев в фильмах или у выстрадавших ее маньяков. Его прозрачное лицо с лирическими веснушками покраснело, и засунутые руки в карманы он сжал в кулаки.

Соседка почувствовала себя уверенней, опять удивляя Риту, что неслышащая умеет производить такой сильный гортанный звук.

– Как ты смеешь? – кричала она протяжно и размахивала перед лицом Риты руками с шевелящимися пальцами, и даже пытаясь в маленьком помещении наступать на нее с угрожающим лицом. Но в такой тесноте отступить было некуда, и Рита удивленно и брезгливо рассматривала ее. Та продолжала:

– Кто ты такая? Пришла, развалилась на моей кровати!

Мужчина нахмурился. Тут Яя встала грудью перед Ритой, и они перешли на свой язык. Сразу стало тихо, только остался некий физический звук: когда они «разговаривали», то во ртах у них шелкало, чмокало, выскакивали звуки из непроизнесенных слов.

Нагруженные вещами, они вышли на воздух.

Яя сказала:

– Любовник мог тебя ударить!

Они молча с испорченным настроением завернули за сарай рядом с общежитием.

– В этом дворике на меня напал один мужик, но его нашли, и судили, и дали несколько лет, я сидела на суде. Не спрашивай об этом, – сказала Яя, вздохнув. Потом вдруг: – Правда, она красивая?

– Кто?

– Марина, соседка, она красивая?

– Да ты что!!! – Рита так возмутилась, уже перенимая обычное Яино гримасничанье лицом, выражая преувеличенно свои эмоции...

– Нет! – упрямо сказала Яя. – Я совсем глухая. А она – только на пятьдесят процентов! Ты слышала, как она хорошо разговаривает, и ты ее понимаешь! Она умеет жить! Я не умею. Я не умею так кричать. У нее есть муж и есть любовник. И все ее любят, защищают. Муж приезжает, так ее любит, защищает, я ее ни разу не выдала никогда! А я всегда одна, одна, одна...

Яя никак не могла успокоиться таким «проводам», где столько лет прожила:

– О! Марина, она такая хитрая. Она никогда не раздевалась передо мной голая за пять лет! Я думаю, у нее фальшивая грудь. – Яя задумалась, вспоминая. – Все ее боятся. Если она улыбается, то все через силу ей тоже улыбаются. Хотя все ее ненавидят. Она сильная. Никогда не стоит в очередях, говорит, я глухонемая, пропустите меня!

– Ну и что хорошего, – не понимала Рита. – Она такая злющая, у нее такой урод-любовник с ячменем. Она сидит в этом номере с нарами. Как хорошо, что ты ушла оттуда!

– А куда я ушла? Куда мне идти? Что будет со мной? – Яя даже приостановилась, чтобы поплакать. Отчаяние так захлестнуло ее, что она даже не имела сил нести дальше сундучок с одеждой и посудой. Она поставила его на землю. Они как раз остановились рядом с церковью. На ступеньках сидела безумная, из городских сумасшедших, попрошайка-нищенка.

– Вот, погляди на нее, – вдруг сказала Рита, сбив Яин настрой, – я такая же, как она! Мне хочется остаться рядом с ней, я так похожа на нее, мне нравится, как она живет, или не то... – изводя и растравляя себя, говорила Рита, но осеклась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.